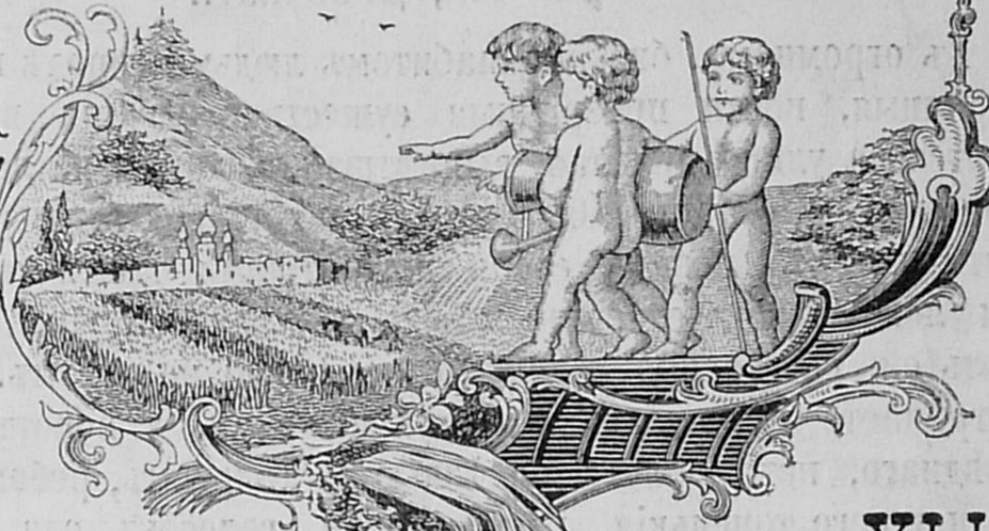

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 17

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 28-го апрѣля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 6.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,

А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложений“ и пр.

М. Грековъ. Волы. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ). Присуждено званіе художника.

Марго.

Разсказъ Б. П. Никонова.

I.

«Ты чья, дѣвочка?..»

Въ огромномъ, биткомъ-набитомъ людьми городѣ встрѣчаются странныя, почти призрачныя существа. Иногда вамъ встрѣчается на улицѣ дряхлая, выцвѣтшая, похожая на лохмотья старой одежды, старуха. Она бредетъ, покачиваясь, по улицѣ, смотритъ куда-то передъ собой выцвѣтшими тусклыми глазами, и вы ясно чувствуете, что жизнь уже далеко ушла отъ нея, и жить ей, собственно говоря, совершенно не зачѣмъ. Иногда вы встрѣчаете гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ, у воротъ, въ пыли, блѣднаго, истощеннаго болѣзнию и голодомъ, ребенка: руки и ноги у него тоненькія, какъ спички, голосокъ еле слышный, и весь онъ какой-то восковой, ненастоящій. Онъ родился тутъ, въ пыли и грязи глухого закоулка, и, вѣроятно, тутъ онъ въ скоромъ времени и умретъ. Никому онъ не нуженъ, и тѣ, кто его видятъ, съ удивленіемъ думаютъ: откуда онъ взялся?.. Убогое, ненастоящее, призрачное существованіе. И нищая старуха и невѣдомый, никому ненужный ребенокъ—болѣзненные порожденія большого города. Они не люди, а только тѣни людей. Въ огромномъ, перенасыщенномъ населеніемъ, городѣ людей такъ много, напоенный ихъ дыханіемъ воздухъ такъ душенъ, что въ немъ, какъ въ знойномъ воздухѣ южной пустыни, возникаетъ фата-моргана: призрачныя люди-тѣни...

Нѣкоторое время они живутъ своей призрачной жизнью, а потомъ исчезаютъ. Не спрашивайте, куда. Объ этомъ вамъ не скажутъ даже кладбища, потому что и тамъ безыменные люди-видѣнія не имѣютъ имени...

Такимъ безыменнымъ человѣкомъ, такимъ видѣніемъ городской фата-морганы была и Марго.

Когда ее спрашивали на улицѣ: „Ты чья, дѣвочка?“—она только широко открывала свои голубые, подернутые влагой постоянного страданія, глаза и ничего не отвѣчала. Ей было четыре года, но она едва умѣла говорить. Отвѣчать же на такой мудреный вопросъ: чья она—Марго была совершенно не въ состояніи.

Кто у нея были отецъ съ матерью, откуда взялось у нея ея имя—это Марго знала не больше, чѣмъ знаетъ обыкновенная дворняжка. Марго жила у „тетей“. Этихъ тетей было три, и иногда одна изъ тетей превращалась въ маму. Это случалось однако только тогда, когда къ тетѣ приходилъ чужой дяденька. Тетя (одна изъ трехъ) брала тогда Марго на руки, ласкала ее (это ужасно смущало и пугало Марго своей необычностью: обычно ее не ласкали, а били) и предлагала дяденькѣ поцѣловать Марго. Дяденька послушно цѣловалъ Марго и дарилъ ей прекрасную коробку съ конфетами. Увы, Марго никогда не пробовала этихъ конфетъ, потому что онѣ потомъ поступали въ полное и безответственное владѣніе къ тетѣ...

Иногда мамой бывала тетя Клара. Въ другой разъ приходилъ иной дяденька, и мамой дѣлалась тетя Матильда. Потомъ въ маму превращалась тетя Зоя. Марго еще очень плохо умѣла соображать, однако въ ея маленькой головѣ уже начало складываться убѣжденіе, что „мама“—это что-то въ родѣ параднаго платья, которое надѣваютъ, когда приходитъ въ гости какой-нибудь посторонній дяденька... Потомъ, когда дяденька уходитъ, парадное платье снимаютъ, и вмѣсто поцѣлуевъ на Марго обрушиваются тычки и затрещины.

Что такое „мама“? Въ представленіи всякаго другого—непризрачнаго ребенка—вмѣстѣ съ этимъ великимъ и прекраснымъ словомъ возникаетъ свѣтлый и незабываемый даже на склонѣ жизни образъ. Въ душу ребенка вмѣстѣ съ этимъ словомъ струится вѣяніе любви и ласки, которой онъ не получить и не узнаетъ болѣе ни у кого и нигдѣ. Марго совершенно чужда такихъ образовъ и понятій. Да и была ли у нея мать, кромѣ тетенокъ Клары, Зои и Матильды, которыя пріютили въ своей квартирѣ Марго и кормятъ и бьютъ ее...

За Марго нѣтъ и не бываетъ никакого присмотра. Она спитъ, гдѣ попало: на полу, на сундукѣ, въ ваннѣ, на кровати у кухарки Аннушки, когда та бываетъ въ особенно хорошемъ на-

строеніи (это случается очень рѣдко), а иногда и подъ кроватью у той же Аннушки. Тетеньки Клара, Зоя и Матильда терпятъ не могутъ, чтобы Марго спала у нихъ въ комнатѣ, и когда однажды дѣвочка нечаянно уснула на софѣ въ этой запрещенной для нея комнатѣ, то тетя Зоя въ кровь избилла ее ремнемъ и выкинула, поднявъ за шиворотъ, въ кухню, какъ выкидываютъ недостаточно воспитаннаго котенка...

Кормятъ Марго плохо. Гораздо чаще ее не кормятъ. Это бываетъ тогда, когда тети недовольны ею и считаютъ полезнымъ наказывать Марго не только затрещинами, но и голодомъ. Тогда которая-нибудь изъ тетей говоритъ Марго: „Ты не будешь сегодня кушать“, и ведетъ ее въ страшную, темную и сырую, маленькую комнату и тамъ запираетъ ее. Это дѣлается для того, чтобы Марго не убѣжала въ кухню къ Аннушкѣ и не покушала тамъ.

Марго слишкомъ мало знакома съ правилами гигиены и простой опрятности. Никто не моетъ ее, — никто, кромѣ Аннушки, которая иногда ужасается и гнѣвно начинаетъ оттирать и скрести всю Марго съ ногъ до головы въ большомъ тазу; да еще иногда моютъ ее передъ тѣмъ, какъ прійти чужому дяденькѣ. И по этимъ послѣднимъ экстраординарнымъ омовеніямъ Марго безошибочно заключаетъ о томъ, что которой-нибудь тетѣ пришла пора превратиться въ маму.

Никто, за исключеніемъ Аннушки, не разговариваетъ съ Марго по-человѣчески. Аннушка тоже гораздо чаще кричитъ и ворчитъ на дѣвочку, чѣмъ просто говоритъ съ нею. Никто не говоритъ ей о Богѣ, о томъ, что хорошо и что худо. Марго растетъ, какъ маленькій, заморенный и забитый, звѣрекъ. Она ведетъ жизнь комнатной собачки, которую кое-какъ терпятъ въ домѣ. Въ домѣ есть и настоящая собачка—Дончикъ. Ему тоже живется невесело, потому что тетеньки бьютъ и Дончика. Но все-таки у Дончика никогда не бываетъ такъ много синяковъ, какъ у Марго. У Марго все тѣло покрыто синяками, и даже Аннушка не можетъ ихъ отмыть, какъ ни старается.

Кто такія тети, и чѣмъ онѣ занимаются—этого Марго не знаетъ, и объ этомъ даже и мысль никогда еще не приходила ей въ голову. Если бы Марго могла хоть немножко соображать и дѣлать кое-какіе выводы, она навѣрное рѣшила бы, что тетеньки занимаются тѣмъ, что бьютъ маленькихъ дѣвочекъ и запираютъ ихъ на ночь въ узкую и холодную темную комнату. Но Марго еще не научилась соображать. Подобно Дончику, она кротко и не разсуждая несетъ выпавшее на ея долю страданіе и только плачетъ, когда ужъ ей приходится невтерпежъ. Плачетъ негромко: на громкій плачь у Марго не хватаетъ силы. Но глаза у нея всегда плачутъ, — даже тогда, когда въ нихъ не бываетъ слезъ. Глаза Марго—бездонная глубина страданія. И если взглянуть въ нихъ, то можно заплакать самому.

Но никто не смотритъ въ нихъ. Никто, кромѣ Дончика.

Марго худа и блѣдна, какъ восковая кукла. Она такъ мала ростомъ, что ей ни за что нельзя дать четырехъ лѣтъ. Одѣта она всегда въ лохмотья. Въ этомъ отношеніи Дончикъ гораздо счастливѣе Марго: у него прекрасная пушистая шерсть — мягкая и теплая и красивая, и никто не пытается отнять ее у него. А у Марго всякій разъ отнимаютъ обратно то платье, въ которое ее наряжаютъ передъ приходомъ чужого дяденьки.

Но если Марго худа и блѣдна и невыразимо плохо одѣта, то тетеньки, наоборотъ, румяны и упитаны и всегда прекрасно одѣты, особенно по вечерамъ. У нихъ богатыя шелковыя платья, то длинныя со шлейфомъ, то такія коротенькія, что видны колѣни. У нихъ громадныя шляпки съ пушистыми перьями и пушистые хвосты съ такими же остренькими мордочками, какъ у Дончика.

Тетеньки по вечерамъ куда-то уходятъ, разрядившись въ пухъ и прахъ. И всегда уходятъ всѣ три вмѣстѣ. Онѣ постоянно ссорятся другъ съ другомъ и даже дерутся, но разстаться другъ съ другомъ никакъ не могутъ. А днемъ у себя дома онѣ танцуютъ, взявшись за руки, какой-то странный танецъ, при чемъ еще что-то поютъ—всегда одно и то же. Онѣ придерживаютъ коротенькія юбки руками, а ноги высоко вскидываютъ вверхъ.

Марго это нравится. Она не прочь поглядѣть въ дверную щелку, какъ танцуютъ тетеньки. Дончикъ, наоборотъ, терпѣть не можетъ этихъ танцевъ и пѣнія. Первое время онъ съ остервенѣніемъ лаялъ на тетенекъ, когда онѣ пѣли и вскидывали ноги. Но его за это побили — и теперь онъ въ такихъ случаяхъ только мрачно отворачивается и уходитъ изъ комнаты съ глухимъ ворчаньемъ. Онъ садится въ уголь, нервно перебираетъ лапами и судорожно глотаетъ слюну. И, нахмуривъ свои пушистыя брови, поглядываетъ искоса на Марго, какъ бы желая ей сказать:

— И охота тебѣ смотрѣть на такую гадость.

Но всѣ эти наблюденія все-таки не даютъ Марго никакой возможности понять, кто такія тетеньки, и кто она сама. И когда на улицѣ случайный прохожій спрашиваетъ ее: «Ты чья, дѣвочка?» — Марго только печально смотритъ на него своими большими глазами.

Изъ всѣхъ окружающихъ Марго живыхъ существъ любитъ ее только одинъ Дончикъ: онъ никогда не огрызается на Марго, что бы та съ нимъ ни дѣлала. Онъ любитъ лизать ей руки и голову и всегда старается подѣсть поближе къ ней. И сидитъ, прижавшись къ дѣвочкѣ, цѣлыми часами. Онъ поглядываетъ на нее, ласково щурясь, и ему, повидимому, хотѣлось бы поговорить съ Марго о всякой всячинѣ. Но, къ сожалѣнію, Дончикъ не умѣетъ говорить. Впрочемъ, и Марго тоже не очень-то умѣетъ говорить.

Но зато у Дончика всегда такой разсудительный и степенный видъ, что, умѣй онъ говорить, онъ навѣрное сумѣлъ бы и отвѣтить за Марго, когда ее спрашиваютъ:

— Чья ты, дѣвочка?

II.

Разговоръ, котораго Марго не понимаетъ, но который имѣетъ для нея большія послѣдствія.

Марго сидѣла на полу въ гостиной и ѣла вмѣстѣ съ Дончикомъ тюрю изъ разбитаго блюдечка. Въ передней стукнули дверь. Вошла чужая тетенька и спросила:

— Госпожа Рабекъ дома?

Дончикъ наострилъ уши и залаялъ. И хотя ему очень хотѣлось ѣсть, онъ оставилъ ѣду и побѣжалъ къ двери. Марго привстала на корточки и заковыляла велѣдъ за нимъ. Но въ полуоткрытую дверь высунулась Аннушка, пнула ногой лаявшаго Дончика и сердито велѣла Марго сидѣть на мѣстѣ и не соваться, куда ее не спрашиваютъ.

Дончикъ оскорбился и, ворча, забился въ уголь. А Марго осталась сидѣть на полу, посерединѣ комнаты, и напряженно слушала, что говорятъ въ передней.

Аннушка сердито отвѣтила чужой тетенькѣ:

— Вамъ которую надо? Ихъ у насъ трое.

Вошедшая тетенька такъ же сердито возразила:

— Почему я знаю, которую. Я только съ одной дѣло имѣла: съ комедьянткой.

— Онѣ всѣ комедьянтки, — объяснила Аннушка: — онѣ обща заразъ представляютъ. Каждая порознь ничего въ своемъ дѣлѣ не можетъ. Только имена у нихъ и разныя. Которая Клара Ивановна, которая Зоя Ивановна.

Чужая тетенька помолчала, подумала и сказала:

— Мнѣ нужно, пожалуй, Клару Ивановну. Ее, кажется, такъ и зовутъ.

— А вы сами кто будете? — прежнимъ суровымъ тономъ спросила Аннушка.

— Агнія Петровна Первалова. Акушерка.

Дончикъ успокоился, позабылъ, что его обидѣли, и вышелъ изъ своего угла, чтобы снова заняться ѣдой. Но Марго уже не хотѣла ѣсть. Она подошла къ двери и заглянула въ щелку. Она, конечно, ничего не поняла изъ этого разговора, но ее заинтересовала голосъ тетеньки — густой и хриплый. Въ воображеніи Марго возникло смутное представленіе о какомъ-то громадномъ и страшномъ существѣ, которое при случаѣ можетъ, пожалуй, и проглотить ее.

Но тетенька оказалась обыкновенной дамой, въ родѣ тѣхъ, которыхъ Марго видела на улицѣ. У нея была большая муфта, похожая на Дончика, и пушистый хвостъ на шеѣ, какъ у тетеньки Клары, Матильды и Зои. И только голосъ у нея былъ со-

всѣмъ особенный. И когда она говорила, то Марго была убѣждена, что говоритъ не эта новая тетенька, а кто-то другой, спрятавшійся за дверью.

— Она писала ко мнѣ, просила зайти по какому-то дѣлу, — продолжалъ говорить за новую тетеньку страшный спрятавшійся голосъ. — Ужъ не знаю, зачѣмъ я ей понадобилась. Кажется, у насъ всѣ дѣла были покончены.

— Вы зайдите въ гостиную, — предложила Аннушка: — Клара Ивановна скоро придутъ. Пообождите.

Чужая тетенька согласилась и стала снимать шубу.

Марго испугалась, сообразивъ, что тетенька съ страшнымъ постороннимъ голосомъ собирается войти въ гостиную. Какъ пойманный звѣрекъ, она заметалась по комнатѣ. Убѣжать было некуда: дверь въ спальню была заперта. Но въ гостиной было такъ много всякаго хлама, что спрятаться и здѣсь ничего не стоило. И прежде чѣмъ тетенька вошла въ гостиную, Марго залѣзла подъ диванъ. Дончикъ залаялъ-было на вошедшую, но его опять побили, и онъ тоже забрался съ ворчаньемъ подъ диванъ къ Марго и улегся вплотную около нея. И долго ворчалъ и чихалъ отъ пыли.

Марго лежала, не шевелясь и не подавая никакихъ признаковъ жизни, и все слышала, а отчасти и видѣла, что дѣлалось въ комнатѣ.

Тетенька прежде всего выразила свое удивленіе по поводу убранства гостиной: на диванѣ были свалены кучей старыя юбки, которыя въ свободное время штопала Аннушка. На столѣ рядомъ съ шикарнымъ альбомомъ стояла тарелка съ остатками селедки. На полу были разбросаны въ беспорядкѣ картонки отъ шляпъ, ленты, бумажные цвѣты, изломанный вѣеръ. Этотъ вѣеръ тетенька Зоя изломала о голову Марго. На подоконникѣ стояли пустыя пивныя бутылки. А посерединѣ комнаты на полу все еще оставался неубраннымъ черепокъ съ тюрей, которую давеча кушали Марго съ Дончикомъ. Теперь имъ было уже не до тюри.

Потомъ чужая тетенька стала разговаривать съ Аннушкой о всякой всячинѣ. Въ комнатѣ запахло табачнымъ дымомъ: тетенька закурила папирску. Марго и Дончикъ лежали, не шевелясь, и наблюдали и изучали тетенькины ноги. Ноги были толстыя, въ полосатыхъ шерстяныхъ чулкахъ и новыхъ башмакахъ. Дончикъ даже осторожно понюхалъ ихъ и задумался, соображая, изъ кожи какого звѣря они сдѣланы.

— Я давно знаю госпожу Рабекъ, — говорила тетенька своимъ густымъ голосомъ: — хорошо знаю. И она меня слишкомъ хорошо знаетъ. Были дѣла между нами... Не понимаю только, зачѣмъ я опять понадобилась ей. Ты не знаешь, милая, что съ ней такое случилось?

Аннушка мрачно отвѣтила:

— Кто ее знаетъ. Надо-быть, ничего не случилось. Нечему и случаться. Поетъ да пляшетъ, только и всего...

— А гости-то бываютъ?

— Какъ когда. Случается, что и приходятъ. Не мое это дѣло.

— Конечно, не твое дѣло, — согласилась чужая тетенька: — я только такъ спросила. Да вотъ, кажется, и сама Клара Ивановна жалуетъ.

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ и не прекращался до той поры, пока Аннушка съ ворчаньемъ не пошла и не отперла. Въ переднюю ворвалась какая-то буря: что-то зашумѣло, заговорило, закричало, запѣло. Потомъ стихло, и стихшій голосъ спросилъ: „Кто?“ Потомъ дверь отворилась, и въ гостиную вошла теть Клара Ивановна. Дончикъ нервно зашевелился рядомъ съ Марго и хотѣлъ залаять, но разсудилъ, что не стѣитъ зря открывать свое мѣстопробываніе, и снова успокоился, уткнувшись своей остренькой мордочкой въ колѣни къ Марго.

— Въ чемъ дѣло? — спросила чужая тетенька. — Пустяки, или серьезное что-нибудь?

— Очень серьезное, — быстро заговорила Клара Рабекъ: — наше тріо получило ангажементъ на два мѣсяца въ Вильну.

— Какое же мнѣ дѣло до этого? — разочарованно спросила ее гостя.

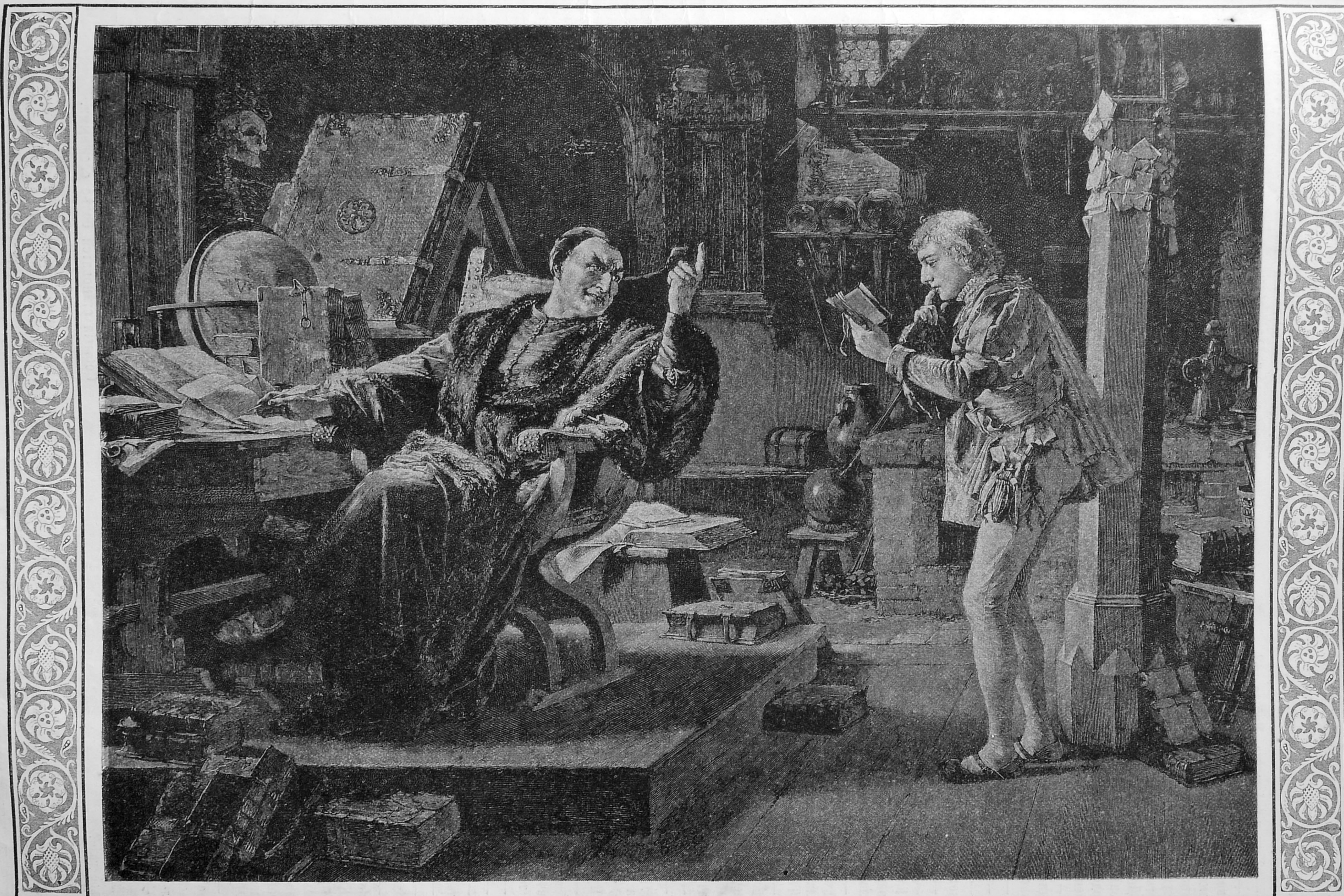
— Какъ какое?... Это я вамъ сейчасъ скажу. Наше тріо — самый замѣчательный атракціонъ. Всѣ безъ ума. Ну, и теперь насъ приглашаютъ на прекрасныхъ условіяхъ. Если не ѣхать, много потеряемъ. Тамъ хотятъ такую афишу закатить: самыми крупными

А. Разчубкинъ. Лишняя. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ). Присуждено званіе художника.

Э. Грюцнеръ. Мефистофель и студентъ.

буквами: „Les trois Рабекъ“. Ну, и деньги хорошия... Нельзя не ѣхать.

— Такъ и поѣзжайте. Мнѣ-то что?

— Вотъ, — промолвила Клара Ивановна сквозь зубы, закуривая папиросу: — въ томъ-то и дѣло, что вы теперь должны мнѣ помочь. Не знаю, куда мнѣ дѣвать вашу дѣвчонку. Съ собой тащить — скука смертная. Здѣсь оставить не у кого. Аннушку я хочу прогнать въ шею. Возьмите Маргошку покуда къ себѣ. Я вамъ заплачу.

Дончикъ, должно-быть, понялъ, въ чемъ дѣло; онъ нервно завозился и тяжело вздохнулъ. Но Марго ничего не понимала и продолжала любоваться красивыми полосатыми чулками чужой тетеньки.

— Что жъ, — промолвила, подумавъ, чужая тетенька: — ладно. А развѣ вы не боитесь, что я возьму да и совсѣмъ оставлю ее у себя? Не отдамъ обратно?

— Это съ какой стати? — разсердилась Клара Ивановна.

— А такъ, безъ всякой стати. Вѣдь моя.

— Нѣтъ, не ваша. Извините. Теперь уже не ваша... Вы сами знаете...

— Ничего не знаю.

— А деньги вы получили?

Гостья громко и хрипло расхохоталась. Дончикъ ужасно взволновался и хотѣлъ укусить гостью за ноги, но не рѣшился. Марго была чуть жива отъ ужаса.

— Ну, не волнуйтесь, — произнесла гостья, тяжело дыша отъ смѣха: — я просто пошутила. На что мнѣ дѣвчонка? Хотѣ бы она была моя-размоя, мнѣ ея вовсе не надо. А вы не поняли шутки.

Тетенька Клара Ивановна гордо возразила:

— Я не понимаю неприличныхъ шутокъ. Приличныя шутки я отлично понимаю и сама тоже люблю смѣяться. Но вы говорите, я не знаю какой вздоръ. Давайте поговоримъ о дѣлѣ. Значить, вы берете Маргошку на сохраненіе, — ну, и отлично. Я вамъ заплачу десять... или нѣтъ — семь рублей.

— Не согласна, — коротко возразила чужая тетенька.

— Это совершенно достаточно, — убѣждала Клара Ивановна, закуривая новую папиросу: — Марго совсѣмъ ничего не ѣсть. Она вамъ не будетъ ничего стоить. Я даю вамъ деньги только изъ уваженія.

Чужая тетенька опять страшно засмѣялась.

— Изъ уваженія? — промолвила она. — Подумаешь, очень вы меня уважаете. Нѣтъ, вы мнѣ давайте больше. А не то я дѣвчонки обратно не отдамъ. Вотъ возьму и не отдамъ. И что вы тогда со мной подѣлаете?

— Ну, десять рублей. Чортъ съ вами.

— Зачѣмъ вы чорта поминаете? Нехорошо.

— Ничего нехорошаго нѣтъ. Даже очень хорошо. Съ вами нельзя иначе.

— Почему нельзя?

— Говорите Богъ знаетъ какія глупости. Я вамъ даю десять рублей, а вся-то дѣвчонка грошъ стодитъ.

— Будто бы? — хитрымъ тономъ спросила чужая тетенька. — А не дороже ли? Помните, какъ-будто четвертной билетъ.

Клара Ивановна такъ разсердилась, что вскочила съ мѣста и швырнула на полъ какую-то картонку. Марго и Дончикъ видѣли, какъ картонка упала, и изъ нея вывалилась новая шляпа съ длинными перьями. А стулъ, на которомъ сидѣла тетенька Клара Ивановна, вдругъ самъ собой подскочилъ и съ грохотомъ повалился на бокъ.

Чужая тетенька опять страшно захохотала.

— Какая вы сердитая, — промолвила она: — что жъ вы сердитесь? Я же сказала вамъ, что я просто шучу. Ну, ладно. Я согласна за десять рублей. Возьму я Марго на содержаніе, а дальше что?

— А дальше я опять возьму ее къ себѣ.

— А на что она вамъ нужна?

— На то же самое, на что и прежде была нужна. Вамъ-то какое дѣло?

Чужая тетенька громко вздохнула.

Дончикъ снова понюхалъ ей ноги, но укусить и на этотъ разъ не рѣшился и тоже только вздохнулъ.

— Какая вы все-таки странная, — промолвила гостья: — за-

ставили меня тревожиться и приходиться къ вамъ изъ-за такихъ пустяковъ. Могли бы и сами пожаловать ко мнѣ. Я думала, что у васъ серьезное что-нибудь.

— У меня все время занято. Репетиціи... — буркнула Клара Ивановна.

— Знаемъ мы ваши репетиціи. Ну, значить, все улажено, и разговоръ конченъ. Давайте Марго, я заберу ее. И десять цѣлковыхъ тоже давайте. И ихъ заберу.

— Я потомъ привезу къ вамъ дѣвчонку, — замялась Клара Ивановна: — надо еще собрать ее, приготовить. Да и не сыщешь ея сейчасъ. Бѣгаетъ гдѣ-нибудь на улицѣ.

— Ну, какъ хотите, — произнесла гостья, тяжело поднимаясь съ дивана.

Тутъ ужъ Дончикъ не вынесъ и храбро вцѣпилъ ей въ башмакъ, сдѣланный изъ кожи неведомаго для него звѣря. Чужая тетенька взвизгнула. Тетенька Клара Ивановна закричала. Дончика вытащили и стали рвать ему уши. А затѣмъ дошла очередь и до Марго.

— Ай, тамъ еще кто-то... — завизжала Клара Ивановна, шаря подъ диваномъ щеткой. — Ахъ, ты дрянъ этакая... Ты что тамъ дѣлаешь?

Она схватила Марго за ногу и вытащила ее изъ-подъ дивана.

— Что это? — удивилась гостья. — Это кто?

— Да вотъ... она, — отвѣтила Клара Ивановна, вся красная отъ негодованія и смущенія: — гадкая дѣвчонка. Вѣчно прячется и подслушиваетъ...

Наступила минута молчанія.

Марго плакала, и слезы смѣшивались съ пылью на ея восковыхъ щекахъ и прокладывали на нихъ грязныя дорожки.

— Это она? — снова спросила гостья.

Клара Ивановна только кивнула головой.

— Однако, — произнесла чужая тетенька: — нечего сказать...

— Никакъ не могу приучить ее къ опрятности, — забормотала Клара Ивановна: — такая неопрятная дѣвочка. Одѣнешь ее въ хорошее платье — на другой же день вся въ лохмотьяхъ.

— Да, да, — повторяла гостья, не слушая ея: — хороша. Хорошо содержится. Нечего сказать. Постой-ка, Марго, поди сюда.

— Что вы хотите съ нею дѣлать? — тревожно вступилась гостья Рабекъ.

Гостья ничего не отвѣтила ей на это. Она засучила рукава, подвела Марго къ окну, разстегнула ей рубашку и стала осматривать ея изможденное и избитое тѣльце. Марго ничего не понимала, что съ нею хотятъ сдѣлать, и дрожала отъ ужаса и отъ холода.

— Да, — задумчиво произнесла гостья, отпуская ея: — усовершенствовались вы ее, сударыня. Кабы знала я, что она попадетъ къ такимъ звѣрямъ...

— Что-о?..

— Да ничего... это я просто такъ... Нехорошо будетъ, сударыня, и вамъ и мнѣ, если все это всплыветъ наружу. Очень даже нехорошо. Вы знаете, я дама не во всѣхъ отношеніяхъ пріятная, но и мнѣ стало совсѣмъ нехорошо...

Марго отлично помнить, что потомъ стало твориться что-то необыкновенное. Чужая тетенька взяла ее на руки, а потомъ Марго одѣли въ теплую кацавейку и повезли — чего съ ней еще ни разу въ жизни не случалось — на извозчикѣ. Марго была такъ ошеломлена этими событіями, что даже не вспомнила о Дончикѣ.

Потомъ пріѣхали въ какой-то совсѣмъ чужой домъ, въ какія-то совсѣмъ чужія комнаты. И чужая тетенька, тихонько подтачивая Марго, промолвила какимъ-то другимъ, уже не страшнымъ голосомъ:

— Ну, ужъ иди, иди. Бить бы надо твою мамашу, да только некому.

Марго не поняла этихъ словъ.

III.

Событія становятся болѣе сложными.

Въ чужомъ домѣ оказалось гораздо пріятнѣе жить, чѣмъ дома у тетенокъ Зои, Матильды и Клары. Чужая тетенька вымыла Марго въ теплой ваннѣ. Вымыла хотя и съ мыломъ, но безъ толчковъ и ругани, какъ это дѣлала Аннушка. Напротивъ, она со-

вершено добродушно разговаривала съ Марго, словно Марго была совсѣмъ приличной дѣвочкой, а не такой, которую надо постоянно бить и сажать въ темную и сырую комнату.

Потомъ тетенька накормила Марго. Несмотря на то, что Марго уже покушала сегодня съ Дончикомъ тюри, она была очень голодна, и угощеніе пришлось весьма кстати. Затѣмъ тетенька уложила ее въ настоящую кровать, и Марго мгновенно утратила всякую связь съ явленіями дѣйствительности.

Долго ли спала Марго—полчаса, или всю ночь, или нѣсколько дней—такъ и осталось для нея навсегда неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ она еще никогда не спала такъ крѣпко. Даже синяки на этотъ разъ не мѣшали ей спать.

Проснувшись она отъ страшнаго шума. Въ сосѣдней комнатѣ громко разговаривали и стучали сапогами какіе-то чужіе дяденьки. Чужая тетенька, которая пріютила Марго, сердито разговаривала съ ними и, какъ показалось Марго, даже плакала.

Марго почувствовала, что она уже не спитъ. Ей стало страшно. Чтò все это значило? Не пришли ли опять за нею, чтобы вытащить ее изъ теплой и мягкой кровати и унести къ прежнимъ тетенькамъ?

Марго широко открыла глаза, сѣла на кровати и стала прислушиваться къ тому, чтò дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ.

Грубые голоса — и среди нихъ Марго сразу отличила голосъ чужой тетеньки—становились все рѣзче и звучали все громче и ближе. Вотъ они уже у самой двери. Вотъ отворяется дверь. Марго опять юркнула въ ужасѣ подъ одѣяло.

— Вы съ ума сошли,—кричала тетенька:—это моя спальня. Я не пушу сюда. Вы не смѣете.

— Извините, сударыня,—отвѣчалъ грубый голосъ:—мы обязаны произвести обыскъ во всей вашей квартирѣ. Потрудитесь открыть ящики.

— Боже мой, чтò вы хотите со мной сдѣлать? — стонала тетенька.—Это ужасъ чтò такое. Я буду жаловаться градоначальнику, прокурору.

— Жалуйтесь, сударыня, если хотите. Но вамъ же сообщено, что обыскъ производится именно по постановленію прокурорскаго надзора по обвиненію васъ въ томъ, что...

— Обвиненіе нелѣпое, идиотское, ложное. Никогда я не занималась такими дѣлами.

— Это вы скажите слѣдователю и прокурору, а мы все равно обязаны произвести обыскъ и отобрать всю вашу переписку и бумаги.

— Это ужасъ, чтò вы дѣлаете съ беззащитной женщиной. Никакой у меня переписки нѣтъ. И чтò за вздоръ такой! Я просто подавала обыкновенную помощь роженицамъ и никогда ничего...

И долго еще кричала и стонала и сердилась тетенька, а чужіе люди ходили по комнатѣ, отворяли ящики въ гардеробѣ, въ шифоньеркѣ, въ столѣ. Передвигали сундукъ, а потомъ стали передвигать кровать.

Марго не утерпѣла и заплакала отъ страха.

— Это кто у васъ? — спросилъ одинъ изъ дяденекъ, съ удивленіемъ взглянувъ на Марго.

— Вы сами видите, кто,—рѣзко отвѣтила тетенька:—живой ребенокъ.

— Это ваша дочь?

Тетенька промолчала и рѣшительно отрѣзала:

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ она у васъ?

— Ахъ, Боже мой... Я взяла ее на воспитаніе.

Марго тихо плакала. Ей стало вдругъ такъ невыразимо грустно, какъ не бывало даже тамъ—у Клары, Матильды и Зои. Тамъ, по крайней мѣрѣ, былъ Дончикъ. А здѣсь... Гдѣ же однако Дончикъ? Марго впервые вспомнила о немъ, сообразивъ, что его нѣтъ около нея. И слезы полились у нея градомъ.

Неизвѣстный господинъ, сердито разговаривавшій съ тетенькой, погладилъ Марго по головѣ и сказалъ тетенькѣ:

— Дѣвочку-то придется куда-нибудь пристроить. У васъ есть здѣсь знакомые?

— Нѣтъ.—отрѣзала тетенька.

— А на прислугу вы можете ее оставить?

— Я живу безъприслуги.

— Ну, въ такомъ случаѣ и ее придется взять подъ стражу. Тамъ имѣется помѣщеніе для дѣтей. А потомъ устроимъ ее какъ-нибудь иначе.

Тетенька молчала и не возражала, предоставивъ чужимъ господамъ поступать и дѣйствовать, какъ они хотятъ. Сердитый господинъ, гладившій Марго по головѣ, посоветовалъ ей не плакать и сказалъ тетенькѣ, чтобы она одѣвала дѣвочку. Но тетенька была такъ удручена, что не пожелала пошевелиться. Тогда сердитый господинъ подозвалъ полицейскаго и съ его помощью сталъ самъ одѣвать Марго. Онъ натянулъ ей чулочки, застегнулъ лифчикъ и сталъ искать платье.

— У нея нѣтъ платья,—вдругъ произнесла молчавшая до той поры тетенька:—я еще не успѣла...

— Въ чемъ же она раньше ходила?—удивился господинъ.

— Раньше?.. То, въ чемъ она ходила раньше, я выкинула въ печку,—коротко и сухо объяснила тетенька и больше не пожелала давать никакихъ объясненій.

— Заверните ее, ваше благородіе, въ платокъ, да и вся недолга!—посоветовалъ полицейскій.

Господинъ только пожалъ плечами.

Спустя недолгое время, Марго была закутана въ теплый платокъ. Полицейскій запахнулъ ее, сверхъ того, своей шинелью и вынесъ на улицу. Куда дѣвалась тетенька, Марго не замѣтила. Вообще за послѣднее время окружающіе ее люди только и дѣлали, что исчезали: исчезли Клара, Матильда и Зоя, исчезла Аннушка, а теперь исчезла и новая тетенька.

И вотъ Марго ѣдетъ по безконечно длиннымъ улицамъ. Эти улицы гораздо болѣе длинны, чѣмъ иная дѣтская жизнь, отцвѣтающая прежде, чѣмъ успѣетъ вырасти новый семиэтажный и тысячеконный домъ, изъ которыхъ состоятъ улицы, и которые закрываютъ отъ городскихъ дѣтей своими темными и безпощадными стѣнами и свѣтъ и воздухъ. Марго ѣдетъ въ тюрьму. Но чтò такое для нея тюрьма,—для нея, родившейся и росшей среди тюремныхъ стѣнъ громаднаго города? Такія дѣти-призраки, какъ Марго,—дѣти съ восковыми лицами, съ искривленными рахитомъ руками и ногами и съ зачатками всевозможныхъ болѣзней въ своихъ преждевременно изможденныхъ и состарѣвшихся тѣлахъ,—не знаютъ иной жизни, кромѣ тюремной.

Марго ѣдетъ въ тюрьму. Можно, пожалуй, подумать, что она уже успѣла натворить множество преступленій въ своей маленькой жизни, разъ ее взяли подъ стражу и въ поздній ночной часъ везутъ въ заключеніе. Другія дѣти спокойно спятъ теперь въ своихъ кроватяхъ, рядомъ съ родителями, братьями и сестрами, и имъ даже не снится возможность такого ночного путешествія въ тюрьму. Но то — настоящія дѣти, а Марго — ребенокъ-призракъ.

Улицы тянутся безъ конца. Надъ ночнымъ городомъ горитъ багровый отблескъ. Это—заревое страданія, преступленій и ужаса, свившихъ свое мрачное гнѣздо въ городскихъ нѣдрахъ и трущобахъ. Это—отблескъ того вѣчнаго пожара, въ которомъ сгораютъ честь, здоровье, жизнь и большихъ и малыхъ жильцовъ города—и преступныхъ взрослыхъ и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей.

Марго ѣдетъ въ тюрьму. Въ одну изъ тѣхъ тюремъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь дѣтей города. Развѣ не тюрьмы громадныхъ больницы? Развѣ не тюрьмы огромныя фабрики? Развѣ не тюрьмы дѣтскіе пріюты и училища? Дѣтямъ города нѣтъ другого исхода, какъ только та или иная тюрьма. И нечего удивляться, что Марго ѣдетъ въ тюрьму. Но только зачѣмъ эта поѣздка тянется такъ долго? Марго съ трудомъ дышитъ въ своемъ душномъ и мохнatomъ платкѣ. А отъ шинели пахнетъ табакомъ и еще чѣмъ-то неприятнымъ и тяжелымъ. А гдѣ-то теперь Дончикъ?

Но всему бываетъ конецъ. Улицы прекращаютъ свое безостановочное теченіе. На полуосвѣщенномъ багровымъ отблескомъ небѣ вырисовывается темное зданіе. Лошади останавливаются, стучать по мостовой копытами и громко фыркаютъ. Гдѣ-то рѣзко ударилъ колоколъ, щелкнулъ ключъ въ двери—и Марго несутъ куда-то вверхъ по полуосвѣщенной лѣстницѣ съ выкрашенными въ зеленую краску стѣнами. Потомъ вдругъ вырастаетъ желѣзная рѣшетка и съ щелканьемъ и звяканьемъ снова исчезаетъ, и Марго несутъ далѣе. Длинный коридоръ. Потолокъ уходитъ куда-

В. Сысоевъ. Посидѣлки. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

В. Сысоевъ. Судъ. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ). Присуждено званіе художника.

то во тьму, а на блестящихъ стѣнахъ отражаются расплывающіеся огни лампъ.

Снова щелкаютъ запоры въ дверяхъ. Новая комната, съ чистыми и гладкими стѣнами, какъ въ больницѣ. Вдоль стѣны маленькія кровати съ сѣрыми одѣялами. Марго сажаютъ на одну изъ этихъ кроватокъ и раскутываютъ. Надъ ней склоняется доброе

женское лицо. И новая чужая тетенька ласково спрашиваетъ Марго:

— Ты чья, дѣвочка?

Но Марго теперь уже абсолютно не въ состояніи сказать, чья она...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Грѣхъ отца Ксенофонта.

Быль семидесятихъ годовъ. А. Н. Ключина.

„Сила Божія въ немощи совершается“.

I.

Это было не такъ давно. Въ хмурое, осеннее воскресенье въ маленькой церкви небогатаго села Ворошиловки шла литургія. Молящихся было много, и отъ чрезмѣрнаго скопленія народа стояла сильная духота, увеличивавшаяся запахомъ ладана и деревяннаго масла, которымъ, по случаю праздника, были обильно намазаны головы мужиковъ. Послѣдніе, какъ всегда, ничуть не тяготясь духотой и давкой, съ особеннымъ рвеніемъ крестились широкимъ, размашистымъ крестомъ и клали поклонъ за поклономъ, встряхивая жирными волосами такъ часто и такъ быстро, что отъ непрерывнаго движенія по лицамъ ихъ крупными каплями катился потъ. Однако, какъ ни усердна была, по-видимому, ихъ молитва,—она имъ не помѣшала замѣтить, что съ священникомъ творится что-то неладное, какъ-будто онъ не совсемъ здоровъ: на эктеніяхъ сбивается, то заторопится, то, чуть слышно и медленно растягивая слова, по два раза повторяетъ одно и то же, ставя этимъ втупикъ единственнаго пѣвчаго, полу-сѣдого гнусаваго понамаря, которому вторитъ октавой волостной старшина Степанъ Викулычъ, плотный, чернородый мужчина благообразной наружности, стоящій у самаго клироса, рядомъ съ большимъ своимъ пріателемъ, тучнымъ кабатчикомъ.

Калинычъ, какъ запросто звали его мужики, далеко не такъ благообразенъ, какъ старшина: красное, оплывшее лицо кромѣ тупого самодовольства не выражаетъ ничего, и только хитрые, сѣрые, слегка слезящіеся, глазки придаютъ ему нѣкоторую живость, безпокойно оглядывая присутствующихъ, словно высчитывая, сколько послѣ обѣдни будетъ посѣтителей въ „заведеніи“.

Нѣсколько разъ уже старшина наклонялся къ уху Калиныча и шепталъ:

— Не въ себѣ что-то сегодня отецъ Ксенофонтъ!—на что кабатчикъ отвѣчалъ односложнымъ „гм!“

А отцу Ксенофонту, невзрачному, низенькому, сутуловатому старичку, въ ветхомъ, потертомъ облаченіи, въ самомъ дѣлѣ было „не по себѣ“. Не то, чтобы ему нездоровилось, а просто его обуяло какое-то смятеніе, похожее на то душевное состояніе, какое испытывается впечатлительными, нервными людьми послѣ ничтожнаго неудовольствія, безсонной ночи или даже влѣдствіе пасмурной погоды.

Порою онъ чувствовалъ, что его охватываетъ какой-то безотчетный страхъ, точно онъ совершилъ тяжкое преступленіе; то вдругъ защемило тоска и—такъ и гложетъ, такъ и гложетъ... Совсѣмъ почти безсознательно читаетъ онъ заученныя въ теченіе многихъ лѣтъ слова эктеніи, читаетъ, какъ непонятную книгу, тщетно пытаясь уловить ускользающій отъ него ихъ смыслъ... Не тѣмъ полна голова его. Знаетъ онъ, что ничего нельзя пропустить, и все-таки торопится поскорѣе кончить службу, потому что засвѣтло нужно поспѣть къ сосѣднему помѣщику, а это будетъ отсюда верстъ пятнадцать,—скоро ли доберешься? И о. Ксенофонтъ служитъ разсѣянно, безнадежно поглядывая въ узенькое окошко на темное, облачное небо... Вотъ принесли ему кипу поминаній—маленькихъ лоскутковъ старой бумаги, исписанныхъ невозможными каракулями, разобрать которыхъ даже привычному глазу стѣбитъ немалого труда. Пять-шесть изъ нихъ онъ прочелъ, а остальные съ глубокимъ вздохомъ, словно тяготясь своимъ безсиліемъ, отложилъ.

Ему становится хуже и хуже... Взоръ его застилаетъ туманъ, сквозь который неясными очертаніями вырисовывается убогая церковная утварь... Черныя пятна часто-часто мелькаютъ передъ глазами... Онъ ясно чувствуетъ, что не боленъ ничѣмъ, но не можетъ понять, отчего такъ отяжелѣла его голова, отчего этотъ шумъ въ ушахъ, заглушающій его собственный голосъ. И снова набѣгаетъ мысль о предстоящей поѣздкѣ. Какъ тутъ ѣхать? А надо. Сегодня тамъ ежегодный молебень по случаю семейнаго торжества. Помѣщикъ щедро одариваетъ причтъ, но если не дожидется его, то, Боже упаси, что будетъ! Этимъ пренебречь нельзя, бѣдность одолѣла... Мужики совсѣмъ не заботятся о немъ и несутъ свои лепты Калинычу... А въ глазахъ все темнѣетъ, г слова кружатся, ноги подкашиваются...

Тихо въ церкви. Малѣйшій шорохъ гулко отдается во всѣхъ углахъ. Изрѣдка слышится сдержанное покашливаніе въ руку... Пересталъ даже старшина перешептываться съ кабатчикомъ. Тихо... Всѣ обратились въ слухъ и нѣмое созерцаніе...

— „Твоя отъ Твоихъ“...—болѣзненнымъ стономъ донеслось изъ алтаря и оборвалось на полусловъ. Глухой звукъ паденія чего-то тяжелаго заставилъ всѣхъ вздрогнуть и вопросительно податься

впередъ. Служба остановилась. Понамарь тихою, боязливою походкою подошелъ къ боковымъ дверямъ, пріотворилъ ихъ и, заглянувъ въ алтарь, въ ужасѣ отступилъ: на полу, противъ самаго входа, лежало распростертое тѣло отца Ксенофонта безъ признаковъ жизни.

— Отецъ Ксенофонтъ скончался! Отца Ксенофонта ударомъ пришибло!—тревожнымъ рокотомъ пробѣжало по рядамъ молящихся, поражая испугомъ и недоумѣніемъ. Потоптались мужики, потоптались на мѣстѣ, словно не вѣря такой неожиданности, да и стали расходиться,—кто домой, а кто въ кабакъ,—толкая на разные лады о случившемся.

II.

Помѣщикъ узналъ о скоростижной кончинѣ отца Ксенофонта и пріѣхалъ на похороны. Мужики всѣмъ міромъ, со старшиной и кабатчикомъ во главѣ, а съ ними и помѣщикъ—пошли провожать тѣло умершаго на погостъ. Уныло звучало заукойное пѣніе въ холодномъ осеннемъ воздухѣ, дрожа и надрывая сердца провожатыхъ...

Когда отца Ксенофонта опускали въ могилу, сквозь толпу протискался какой-то субъектъ въ полугородскомъ, въ полукрестьянскомъ платьѣ, безъ шапки. Взоръ его былъ дикъ, длинные, нечесанные волосы беспорядочными прядями развѣвались по вѣтру. Онъ остановился на краю могилы и, скрестивъ руки на груди, горько заплакалъ.

— Батя, батя,—говорилъ онъ сквозь слезы:—до чего дожилъ ты! Не сподобился...—Дальше ничего нельзя было слышать, рыданія заглушали его голосъ.

— Что это за человѣкъ?—спросилъ помѣщикъ, нахмурясь.

— Это, ваша милость, на манеръ блаженнаго бродитъ у насъ,—отозвался Степанъ Викулычъ.—Одно слово, можно сказать, отпѣтый. Все по деревнямъ ходитъ и блажить. Ни кола ни двора у него, а пьетъ безъ удержу..

— Чѣмъ же онъ существуетъ?

— Добрые люди не оставляютъ изъ жалости. Одни покормятъ, другіе ночевать пустятъ, тѣмъ и живетъ. Въ семинаріи, сказываютъ, былъ,—понижилъ тонъ старшина:—и тамъ вотъ этакъ-то пилъ да блажилъ; ну, видятъ ученье ему не впрокъ—и выключили; а то быть бы ему попомъ.

— А какъ его зовутъ?

— Лаврентіемъ Добролюбскимъ. Ужъ истинно, что Добролюбскій: такой добрый, такой добрый, что и сказать нельзя! Одна бѣда—пьетъ. Ишь ты, сердечный, какъ надрывается,—указалъ Степанъ Викулычъ на семинариста, который припалъ лицомъ на зарытую уже могилу и рыдалъ, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Вы бы его увели,—посоветовалъ помѣщикъ.

— Пуцай его! Онъ смиренный, мухи не обидитъ; пуцай выплается, авось полегчаетъ. Да какое полегчаетъ! Гляди, опять въ кабакъ пойдетъ, попроситъ поднести за упокой дяденьки...

— Такъ онъ родственникъ покойному?

— Племяшъ, выходитъ.—Онъ всѣхъ жалѣетъ. Кабы не малодушество его—золотой бы человѣкъ былъ; тогда бы намъ другого пона и не нужно...

Въ эту минуту семинаристъ поднялся съ могилы. Нетвердыми шагами онъ сталъ пробираться къ дорогѣ. Когда онъ проходилъ мимо помѣщика, послѣдняго обдало запахомъ сивухи.

— Все плачетъ, родимый!—покачалъ головой старшина.

— Пьяныя слезы!—угрюмо буркнулъ помѣщикъ и направился къ экипажу.

III.

Быстро прошла недѣля. Ранніе холода рыхлымъ, первымъ снѣжкомъ запорошили могилу отца Ксенофонта, а въ Ворошиловскій приходъ не былъ еще назначенъ новый священникъ.

Много было толковъ и догадокъ о странной кончинѣ о. Ксенофонта, имѣвшей какую-то таинственную связь съ извѣстнымъ возгласомъ среди обѣдни.

— За грѣхи Господь наказуетъ меня!—съ притворнымъ смиреніемъ, возведя очи къ небу, произнесъ кабатчикъ, бесѣдуя съ Степаномъ Викулычемъ.

— Правда, Калинычъ,—согласился тотъ.—Кабы народъ-то побольше заботился о церкви да о душѣ, такъ и наказывать было бы не за что. А у насъ какъ было? Чуть обѣдня отошла, всѣ изъ храма же въ кабакъ; нешто это подобаешь?

— Что жъ, я вѣдь ихъ не тащу насильно.

— Еще бы ты сталъ тащить. Да ты и такъ тащишь, незамѣтно, а тащишь. Всѣ они у тебя въ кабалѣ. Чѣмъ бы на храмъ Божій порадовать, а они на твою ненасытную утробу стараются. Эхъ, вспороть бы тебя въ волостномъ за эти художества...

— Ну, ну, ты не очень-то! — осадил его кабатчикъ. — Со мной нечего шутки шутить! Коли грѣшенъ я, то по малымъ недостаткамъ своимъ и жертвую, значить...

— Ты и впрямь думаешь, что рублевой свѣчой откупишься отъ чорта? — возразилъ старшина. — Нѣтъ, братъ, погоди-ка, на томъ свѣтѣ въ смолѣ еще покипишь...

— Смотри, какъ бы самому не закипѣть! — вспылилъ Калинычъ. — На себя обернись!

— Ладно, ладно! Мы вотъ все обществомъ закроемъ твой кабакъ — и аминь. Пусть лучше на церковь мужики порадыются. Безпремѣнно закроемъ.

— Посмотримъ.

— Увидишь!

Кончилось тѣмъ, что старшина съ кабатчикомъ поссорились.

IV.

Народная молва разнесла страшную вѣсть о загадочномъ происшествіи въ Ворошиловкѣ, подѣйствовавшемъ на воображеніе крестьянъ. Паника напала на сельское духовенство, никто не соглашался итти въ Ворошиловскій приходъ, не прельщаясь никакими льготами. Церковь стояла пустая, кабакъ процвѣталь. Мужики, тѣнимые Калинычемъ, роптали. Дошло до свѣдѣнія владыки. Сильное раздумье взяло его. Не оставаться же, въ самомъ дѣлѣ, ворошиловцамъ безъ попа. А гдѣ его возьмешь, когда никто не идетъ добровольно? Силою тоже не заставишь, потому что всякому своя рубашка ближе къ тѣлу, и каждый охотнѣе согласится попасть въ немилость владыки, чѣмъ пожертвовать жизнью. Положеніе было критическое. Вдругъ въ самую тяжелую минуту раздумья владыкѣ доложили, что его желаетъ видѣть какой-то проситель.

— Пусть войдетъ, — сказалъ владыка.

Черезъ минуту взорамъ его предсталъ Добролюбскій, совершенно трезвый на этотъ разъ.

— А, это ты? — какъ на знакомаго, взглянулъ на него владыка. — Чтò скажешь? Опять на бѣдность пришелъ просить?

— Грѣшенъ въ этомъ, — смиренно отвѣтилъ пришедшій, стоя у дверей и смущенно комкая шапку.

— Да вѣдь ты опять пропьешь?

Семинаристъ молчалъ.

— Чтò же ты не отвѣчаешь?

— Все можетъ быть, — съ усиліемъ сознался онъ наконецъ. —

Немощенъ бо тѣломъ и духомъ, — пояснилъ онъ.

— То-то и есть, немощенъ! А ты преодолѣй свои немощи. Вѣдь онѣ и тебѣ во вредъ и другимъ на соблазнъ. Посмотри, каковъ ты! И нищъ и не одѣтъ; а все черезъ пьянство. Нѣтъ, иди съ Богомъ, сегодня я ничего тебѣ не дамъ.

Добролюбскій молча поклонился и покорно повернулся къ выходу.

— Впрочемъ, постой, — вернулъ его владыка, осѣненный внешнею мыслью. — Скажи мнѣ по совѣсти, дорога тебѣ жизнь?

— На что она мнѣ? Кому она нужна?

— А хотѣлъ бы ты приносить пользу кому-нибудь?

Семинаристъ горько усмѣхнулся:

— Могу ли я приносить пользу?

— Я тебя не спрашиваю: можешь ли, а — хочешь ли?

— Хочу, все въ сердцемъ...

— А если хочешь, то я найду тебѣ занятіе. Тебѣ извѣстно, что Ворошиловская церковь лишилась священника?

— Да.

— И почему, тоже извѣстно?

— Объ этомъ все говорятъ.

— Ну, такъ желаешь заступить мѣсто отца Ксенофонта?

— Твоя воля, владыка.

— Моя воля, чтобы ты принялъ паству.

— Слабъ я и неспособенъ...

— Ничего, униженіе паче гордости. Помолимся, и Господь укрѣпитъ тебя. Главное дѣло — вѣруй, а пуще всего — не пей.

Вскорѣ послѣ этого разговора Добролюбскаго женили и облекли священническимъ саномъ. Пить онъ бросилъ. Ворошиловцы немало ожили и вмѣстѣ съ тѣмъ опечалились, считая Добролюбскаго погибшимъ съ того момента, когда онъ перешагнетъ порогъ храма, куда и они входили теперь не безъ трепета.

V.

Наступилъ день престольнаго праздника въ Ворошиловкѣ, первый день, когда отецъ Лаврентій долженъ былъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Мужики и бабы въ праздничныхъ нарядахъ наполнили тѣсную церковь задолго еще до начала обѣдни.

Сдержанный шопотъ гудѣлъ по церкви, какъ жужжаніе пчелъ въ знойную пору. На всѣхъ лицахъ было написано томительное ожиданіе, смѣшанное съ тревогой за будущее. Старшина присутствовалъ. Между нимъ и Степаномъ Викулычемъ послѣ опанной размолвки возникла такая непримиримая вражда, что они дитись подъ одной кровлей да еще стоять рядомъ. Степанъ Викулычъ уже не разъ внушалъ народу благую мысль бросить только почти... Мужики внимательно выслушивали его наставленія, изрѣдка роняя одобрительныя замѣчанія, въ родѣ: „оно точно что“, „намъ чтò, хоть бы вѣкъ *его* не было“. Но едва старшина оставялъ ихъ въ покоѣ, какъ они гурьбой отправля-

лись къ Калинычу и за косушкой водки заводили шумную бесѣду о томъ, какой хорошій человекъ Степанъ Викулычъ и какъ хорошо говоритъ. Хитрый кабатчикъ, втихомолку прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, которые показывали, что врагъ его не дремлетъ, и что слово его имѣетъ большое значеніе для мужиковъ, какъ слово человека почтеннаго, всеми уважаемаго, тотчасъ принимался измышлять способы разрушить планы энергичнаго противника. Лучшимъ помощникомъ являлось вино, котораго онъ не жалѣлъ, чтобы упрочить свое положеніе, и кончалось тѣмъ, что мужики напивались въ лоскъ и лѣзли цѣловаться съ Калинычемъ, наперерывъ изъявляя свою благодарность за даровое угощеніе.

И въ церковь ихъ сегодня привело не желаніе помолиться, а установленный обычай и самое обыкновенное любопытство, не лишенное, впрочемъ, смутныхъ опасеній за исходъ того зрѣлища, ради котораго они сюда собрались.

Кончилъ читать часы понамарь, и все взоры обратились къ амвону. Изъ боковыхъ дверей вышелъ отецъ Лаврентій съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, но съ рѣшимостью во взглядѣ. Видно было, что и онъ ожидалъ чего-то необыкновеннаго, и что передъ тѣмъ онъ перенесъ страшную нравственную борьбу съ самимъ собою.

— „Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, — началъ онъ обѣдню съ легкою дрожью въ голосѣ.

— „Аминь“, — пропѣлъ понамарь.

Прихожане стали усердно креститься и кланяться, но мысли ихъ были далеки отъ молитвы. Они ждали рокового возгласа, и вотъ „Твоя отъ Твоихъ“ долетѣло до ихъ слуха и оборвалось, какъ и въ первый разъ. Замерли мужики въ какомъ-то оцѣпенѣніи, напрягая слухъ и затаивъ дыханіе... „Вотъ-вотъ, — думали они: — раздастся роковой звукъ паденія тѣла“, — но все было тихо. Прошла минута, другая, минуты торжественныя... Понамарь не вытерпѣлъ и заглянулъ въ алтарь, но тотчасъ же вернулся на свое мѣсто въ недоумѣніи, которое сообщилось и молящимся.

— „Тебѣ приносяще за всѣхъ и за вся“, — неожиданно и восторженно прозвучалъ голосъ отца Лаврентія, прозвучалъ сильно и увѣренно.

Единодушный вздохъ облегченія вырвался изъ груди присутствующихъ, и, словно повинувшись общему влеченію, толпа преклонила колѣна...

Великъ и прекрасенъ показался мужикамъ отецъ Лаврентій, бывший до сихъ поръ бременемъ общества, — такъ великъ, что когда они взглянули на него, то сразу поняли, для чего они столько времени кормили и давали пріютъ тому, кого судьба поставила ихъ духовнымъ отцомъ. Дѣйствительно, лицо его дышало кротостью, любовью и вѣрой... Онъ былъ въ экстазѣ, — въ томъ самомъ экстазѣ, который охватываетъ только тѣхъ, кто всею душою, со всей искренностью отдается исполненію своего долга.

VI.

День престольнаго праздника возвратилъ ворошиловцамъ священника и поселилъ прежній покой въ ихъ сердцахъ. Прошло три недѣли. Отецъ Лаврентій здравствовалъ и привлекалъ народъ. Въ одно изъ воскресеній онъ обратился къ крестьянамъ съ словомъ, результатомъ котораго явилось упраздненіе кабака, чему не мало способствовалъ старшина, подкрѣпляя это „слово“ своими разумными убѣжденіями. Мужики не могли на него наравдаться, и слава о немъ разнеслась далеко по окрестности и дошла до ушей владыки. Передали ему также и о „словѣ“ отца Лаврентія. Заинтересовался онъ и пріѣхалъ лично убѣдиться, насколько справедливы дошедшіе до него слухи.

Прослушавъ обѣдню, онъ обратился къ отцу Лаврентію:

— Да благословитъ Господь твое благое начинаніе! Вотъ видишь, какъ трудно предполагать будущее, скрытое отъ насъ непроницаемой завѣсой. А ты еще колебался.

О. Лаврентій скромно промолчалъ.

— А чтò за „слово“ сказалъ ты народу? — вспомнилъ владыка. Священникъ смутился.

— Увѣщевалъ ихъ бросить пьянство, — нерѣшительно заговорилъ онъ: — указывалъ на то, какое большое зло — праздность и лѣнь, и привелъ имъ примѣръ пагубныхъ послѣдствій этихъ пороковъ...

— Какой примѣръ?

— Видѣніе было мнѣ. Когда я впервые служилъ обѣдню и дошелъ до словъ „Твоя отъ Твоихъ“, меня внезапно охватило смятеніе, голова закружилась, и я почувствовалъ, что еще минута — и я упаду. Тогда я сталъ на колѣни и началъ усердно молиться. Вдругъ глаза мои заволокло туманомъ, и въ этомъ туманѣ я увидѣлъ отца Ксенофонта. Онъ былъ черенъ, какъ уголь, страданіемъ искаженное лицо его молило о чемъ-то, а руки простирались къ жертвеннику. Я еще усерднѣе помолился, призракъ исчезъ, мнѣ стало легче — и служба пошла своимъ чередомъ. Но чтобы провѣрить видѣнное явленіе, я осмотрѣлъ жертвенникъ и подъ покровомъ нашелъ множество поминаній. Тогда я понялъ, о чемъ меня молилъ отецъ Ксенофонтъ, и сейчасъ же помянулъ всѣхъ записанныхъ въ этихъ поминаньяхъ. Въ слѣдующій разъ отецъ Ксенофонтъ снова являлся мнѣ, но уже убѣдленный, радостный и безмолвно благодарилъ меня, шевеля губами.

Неизвѣстно, повѣрилъ ли владыка разсказу отца Лаврентія, но чтò касается ворошиловцевъ, то любому пріѣзжему въ село каждый изъ нихъ охотно разскажетъ исторію „о грѣхѣ отца Ксенофонта“, которая со временемъ сдѣлается мѣстной легендой.

Персидскія женщины.

Очеркъ. (Съ 8 рис. на стр. 337).

Въ странѣ „Льва и Солнца“ кипитъ смута. Туманныя стремленія къ европейскимъ понятіямъ о свободѣ и народоправствѣ, смутныя тяготѣнія къ культурѣ ума и труда осложняются тамъ кровавой борьбой политическихъ партій и простымъ разбойничествомъ и общею „разрухою“.

Вдали отъ новыхъ вѣяній и отъ мутной политической неурядицы протекаетъ въ знойномъ Иранѣ жизнь персидской женщины. Какъ цѣлыя столѣтія тому назадъ, такъ и теперь персіянки проводятъ свою безцвѣтную и монотонную жизнь въ стѣнахъ „эндеруна“ (такъ называется въ Персіи гаремъ). И чѣмъ знатнѣе персидская семья, чѣмъ ближе она, по нашимъ понятіямъ, къ культурѣ и къ возможности бѣльшаго общенія съ свѣтомъ, тѣмъ плотнѣе и крѣпче замыкаются для нея стѣны эндеруна. Въ низшихъ слояхъ населенія женщины держатся свободнѣе и ведутъ менѣе замкнутый образъ жизни, но сами условія жизни у нихъ таковы, что и въ этой средѣ имъ невозможно отозваться на смутные отголоски окружающей жизни. Задавленныя ежедневной тяжелой работой, коснѣющія въ абсолютномъ невѣжествѣ, „свободныя“ персіянки низшихъ классовъ живутъ почти въ такомъ же застѣнкѣ, какъ и болѣе счастливыя, чѣмъ онѣ, представительницы высшихъ классовъ персидскаго общества.

Такой моральной загнанности и закоснѣлости, конечно, прежде всего способствуетъ свойственный персіанамъ взглядъ на женщину, какъ на низшее существо, созданное Аллахомъ только для услугъ и ублаженія сильнаго пола. „Женщина принадлежитъ дому“. „Женщина—цвѣтокъ на окнѣ моего дома“... Вотъ альфа и омега персидскаго воззрѣнія на женщину. Цвѣтокъ этотъ однако держится въ большомъ угнетеніи и забитости, и солнцемъ для него долженъ быть только огонь домашняго очага. Посторонніе мужчины не должны даже видѣть лица жены и хозяйки дома. На улицу она выходитъ не иначе, какъ подъ густымъ покрываломъ. И если она имѣетъ счастье (или несчастье) принадлежать къ зажиточному классу, то она не можетъ выходить изъ дома одна, не будучи сопровождаема евнухами, старшими родственницами или въ крайнемъ случаѣ—служанками. Короче говоря, персидскія женщины не изъ простонародья до самой смерти состоятъ на положеніи неопытныхъ и безответственныхъ маленькихъ дѣвочекъ и не имѣютъ никакой инициативы и ни малѣйшихъ признаковъ самостоятельности. Посторонніе мужчины не только не должны видѣть женскаго лица—они не должны даже знать, что вотъ у такого-то знакомаго имъ человѣка имѣется жена. Это своеобразное и постыдное лицемѣріе простирается до того, что мужъ никогда не рискнетъ появиться въ общественныхъ мѣстахъ рука объ руку со своей законной женой, и если кто-нибудь освѣдомится у него на европейскій манеръ о здоровьѣ его супруги, то нанесетъ этимъ вопросомъ персидскому супругу серьезное оскорбленіе...

Такому взгляду на женщину въ значительной степени способствуетъ узаконенное въ Персіи многоженство. Какъ это ни странно, но въ данномъ случаѣ господствуетъ какъ бы какой-то странный законъ спроса и предложенія: чѣмъ больше женъ, тѣмъ меньшей становится относительная (конечно, моральная) цѣнность каждой отдѣльной жены. Многоженство неизбѣжно влечетъ за собою презрительный взглядъ на женщину,—взглядъ, который вульгарно выражается такъ: „Что съ вами церемониться. Васъ цѣлая пропасть...“ При такомъ взглядѣ невозможна жена-другъ и товарищъ и сердечный совѣтникъ и помощникъ мужа. Въ лучшемъ случаѣ она превращается въ любимую игрушку, цѣнимую только на вѣсь ея физической красоты и привлекательности. Къ сожалѣнію, иногo—болѣе человѣческаго взгляда—не существуетъ и въ низшихъ слояхъ персидскаго населенія, гдѣ многоженство невозможно вслѣдствіе своей денежной дороговизны. Но тамъ уже на первый планъ въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ выступаютъ грубость почти первобытныхъ нравовъ и безпросвѣтная дикость...

При такомъ положеніи вещей нечего и требовать у персидской женщины, чтобы она „откликалась“ на вопросы общественной жизни и вела духовно развитую жизнь, исполненную моральныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ. И всѣ тѣ завоеванія, которыя феминизмъ сдѣлалъ въ Россіи и въ Западной Европѣ, отнюдь не простираются на страну „Льва и Солнца“. Тамъ они разбиваются о стѣны эндеруна и о дикость населенія, „стыдящагося“ даже упоминать о женщинѣ.

При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы персидскія женщины, не говоря уже о представительницахъ рабочаго сословія, были праздными куколками, утопающими въ ничегонедѣланіи, въ куреніи кальяна и поѣданіи сластей. Персіянки хорошо знакомы съ работой и очень работоспособны,—природная живость беретъ свое и выражается въ стремленіи наполнить свой досугъ хотя бы мелочной домашней работой. Почтѣ всѣ онѣ прекрасныя хозяйки и отличаются умѣньемъ шить, вязать, вышивать, стряпать. Подобнаго рода обязанности во имя угожденія мужчинѣ на нихъ налагаетъ даже Коранъ. Во имя того же угожденія онѣ съ дѣтства приучаются хорошо готовить кушанья и умѣть изготовлять сласти, такъ такъ „любовь мужа зависитъ отъ его желудка“. Каждой персіанкѣ съ дѣтства внушается мысль, что она должна

всѣми силами стремиться къ тому, чтобы завоевать расположеніе своего будущаго мужа (увы, и въ Персіи молодыя дѣвицы мечтаютъ о замужествѣ), и если она будетъ не единственной женой своего повелителя, то добиваться того, чтобы стать „Ханумъ-Ашрафи“—любимой женою своего владыки. Въ этихъ видахъ одною изъ задачъ воспитанія молодыхъ дѣвушекъ въ Персіи является всестороннее кухонно-хозяйственное образованіе, полезное даже и на тотъ конецъ, если судьбѣ будетъ угодно, чтобы молодая дѣвица попала со временемъ въ гаремъ къ самому „царю царей“, къ повелителю Персіи.

Другимъ немаловажнымъ предметомъ воспитанія молодой персіанки служитъ ознакомленіе ея съ тайнами искусственной женской красоты. Какъ во всѣхъ восточныхъ странахъ, въ Персіи среди женщинъ чрезвычайно развито всякое прикрашивание, подмазываніе и подсурмливаніе. Туалетъ персидской женщины и дѣвушки изобилуетъ всевозможными секретами и рецептами прихорашиванія. Бѣлила, румяна, краски для ногтей, бровей, зубовъ—все это составляетъ цѣлый „Institut de beauté“ и является неизбѣжною принадлежностью интимнаго хозяйства каждой персидской дамы.

Это стремленіе къ искусственной красотѣ имѣетъ въ Персіи свою долю резоннаго основанія. Красавицами быть суждено далеко не всѣмъ, а между тѣмъ чѣмъ же взять персіанкѣ, добивающейся расположенія своего мужа, какъ не красотой? Къ тому же, по персидскимъ обычаямъ, женихъ не видитъ лица своей избранницы вплоть до того момента, когда она войдетъ къ нему въ домъ уже его женою. При такомъ положеніи вещей легко можетъ имѣть мѣсто горькое разочарованіе. И вотъ, чтобы не подвергать своего будущаго повелителя и владыку нежелательному разочарованію и гнѣву, молодая персіанка проходитъ подъ руководствомъ матери или иной опытной наставницы цѣлый курсъ красоты, учится создавать себѣ иное лицо, чѣмъ то, какимъ ее наградила природа.

Персидскій идеалъ красоты теперь уже не тотъ, какой былъ въ прежніе вѣка, когда знаменитый персидскій поэтъ Гафизъ воспѣвалъ „стройныхъ женщинъ съ глазами газели и станомъ, тонкимъ, какъ тростникъ“... Увы, этотъ идеалъ теперь опростонародился: только женщины изъ простонародья, преимущественно изъ племени осѣдлыхъ таджиковъ (старинное основное населеніе Персіи), отличаются тѣми тонкими чертами красоты, которую воспѣлъ Гафизъ... Аристократическій идеалъ женской красоты теперь совсѣмъ иной: по персидскимъ понятіямъ, женщина только тогда можетъ назваться красавицей, когда она кругла и полна, когда у нея густыя черныя брови, сходящіяся на переносѣ, когда она „величественна“, т. е. попросту—неповоротлива. Идеалъ этотъ, очевидно, принудительнаго происхожденія: онъ возникъ вслѣдствіе празднаго времяпровожденія обитательницъ богатаго эндеруна, хронически сидячаго образа жизни, обильной пищи, преимущественно сладкой и жирной. Къ тому же, первобытный кавказскій типъ въ Персіи сильно уклонился къ типу монгольскому подъ влияніемъ внѣдрившихся въ Иранъ различныхъ темныхъ и желтыхъ племенъ...

Европейскій вкусъ находитъ для себя въ Персіи слишкомъ мало утѣшенія. Его можетъ порадовать только чудный цвѣтъ лица персидскихъ дамъ—нѣжно-бархатистый, отливающий какимъ-то загадочнымъ отблескомъ и зависящій отъ втираній розоваго масла. Прекрасны также миндалевидные „неизъяснимые“ глаза персидскихъ красавицъ. Но и эта „капля меда“ отравляется у нихъ разными неподобающими осложнениями: чудные „газели“ глаза безбожно подкрашиваются и удлиняются черными штрихами. А дивный цвѣтъ лица портится подкрашиваніемъ и... татуировкой. Въ странѣ „Льва и Солнца“ не рѣдкость встрѣтить дамъ, у которыхъ прелестныя щечки разрисованы карминомъ и усѣяны голубыми звѣздочками... Еще болѣе портитъ персіанокъ варварскій обычай (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) носить обручальныя кольца... въ носу.

Очень портитъ даже красивыхъ персіанокъ ихъ прическа. Черные, какъ вороново крыло, волосы раздѣляются посреди макушки широкимъ пробормомъ, и по обѣимъ сторонамъ головы на уши опускаются на подобіе лошадиныхъ наглазниковъ валики изъ туго-сплетенныхъ волосъ (такъ называемые „узлы любви“). На лбу взбивается мелко заплетенная или завитая чолка, а съ затылка спускается нѣсколько прядей тонкихъ, похожихъ на пастушескіе бичи, косичекъ, оканчивающихся подвѣсками—хвостиками изъ мелкихъ бусъ и стекляруса. Обычай носить волосы въ свободномъ состояніи—незаплетенными—сохранился только у простонародья, преимущественно у горныхъ племенъ. У этихъ же полудикихъ племенъ вмѣстѣ съ поэтической, воспѣтой Гафизомъ, красотой сохранились и прежнія красивыя и удобныя домашнія одежды: расшитыя куртки и широкія юбкообразныя шаровары.

Немалую роль въ дѣлѣ порчи женской красоты въ Персіи играетъ современный персидскій костюмъ.

Предварительно нужно замѣтить, что у персидскихъ женщинъ строго отличаются другъ отъ друга домашній костюмъ и выходное, уличное одѣяніе. Эти костюмы такъ же не похожи одинъ на другой, какъ не похожа неуклюжая, безформенная куколка на яркую и франтовскую бабочку.

Выходной костюмъ состоитъ изъ широкихъ черныхъ, подбанныхъ и завязанныхъ у ступни, шароваръ, черныхъ башмаковъ и громаднаго, чернаго же или томнобѣраго, платка („чадирь“), покрывающаго персянку съ головы и до пятъ и превращающаго ее въ нѣчто загадочное для взора. Что скрывается подъ этимъ чернымъ покровомъ? красавица ли, уродъ ли, старуха ли, молодая ли?—все это отходитъ для посторонняго наблюдателя въ область фантази...

Въ городахъ только дѣвочки до восьмилѣтняго возраста ходятъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ. Всѣ остальные представительницы прекраснаго пола могутъ появляться въ обществѣ только подъ чадиромъ. Если же онѣ пожелаютъ откинуть этотъ удручающій мѣшокъ, то обязаны имѣть на лицѣ „рубанди“ — нѣчто въ родѣ вуали изъ непрозрачной матеріи, при чемъ остаются незакрытыми только глаза и верхняя часть лба,—такъ же, какъ у нашихъ татаръ въ Крыму и на Волгѣ... Въ деревняхъ и у кочующихъ племенъ этотъ обычай прятать женское лицо отъ постороннихъ взоровъ соблюдается далеко не такъ строго, какъ въ городахъ, и тамъ не рѣдкость встрѣтить миловидное женское личико, не прикрытое никакими досадными чадирами и рубанди. У простыхъ „бабъ“ наблюдается уклоненіе и отъ мрачныхъ черныхъ тоновъ въ уличномъ одѣяннѣ: ихъ чадиры шьются изъ пестраго ситца, который съ каждымъ годомъ завоевываетъ себѣ большой спросъ въ Персіи.

Но если уличный костюмъ персянки походитъ на безобразный черный мѣшокъ, то домашнее платье превращаетъ ее въ пеструю бабочку, только что выпорхнувшую изъ неуклюжей куколки.

Но, увы, этотъ пестрый и иногда очень богатый женскій нарядъ поражаетъ европейскій взоръ своимъ безвкусіемъ и странностью... Этотъ нарядъ, въ которомъ въ настоящее время щеголяютъ обитательницы эндерунъ, производитъ смѣшное и нелѣпое впечатлѣніе: онъ состоитъ изъ лифа и коротенькой балетной юбочки. На ноги натягивается—тоже на балетный ладъ—трико бѣлаго или тѣлеснаго цвѣта, или же ноги оставляются въ своемъ природномъ видѣ безъ всякихъ покрововъ... На ногахъ красуются лакированные туфельки европейскаго образца или производства, или же турецкіе чупяки, богато изукрашенные цвѣтными пуговками, бусами, ленточками, блестками. Сочетаніе тоновъ и красокъ самое неожиданное и даже вопіющее, и все вмѣстѣ—женщина и платье—походитъ, какъ мы уже говорили, на пеструю и яркую бабочку...

Прежде было иначе. Въ былыя времена персянки носили турецкій костюмъ, и нынѣ сохранившійся у таджиковъ: пышныя шаровары, расшитые казакины, кофточки съ буфобразными пышными рукавами. Этотъ костюмъ былъ въ своемъ родѣ красивъ и во всякомъ случаѣ оригиналенъ и стиличенъ. И онъ господствовалъ у персянокъ, пока шахъ Насеръ-Эддинъ не вздумалъ произвести реформу женскаго костюма въ Персіи.

Этотъ шахъ—первый изъ шаховъ отправился въ Западную Европу. Онъ побывалъ въ Парижѣ, и изъ всѣхъ парижскихъ удовольствій и развлеченій всего болѣе ему понравился балетъ. И не столько балетъ самъ по себѣ, какъ художественное зрѣлище, сколько балетные костюмы. Шахъ Насеръ-Эддинъ рѣшилъ ввести этотъ столь понравившійся ему костюмъ въ моду у своихъ подданныхъ. Онъ приказалъ доставить ему изъ Большой Оперы подлинное балетное *complet* и привезъ его съ собой въ Персію.

Эта реформа предпринчиваго шаха, такъ своеобразно прорубившаго для своихъ многочисленныхъ женъ окно въ Европу, стоила ему не малаго труда. Жены, склонныя, какъ и всякія женщины, къ рутинѣ, горячо протестовали противъ балетныхъ юбочекъ и неизбѣжныхъ корсетовъ. Но мало-по-малу реформаторское рвеніе „преобразователя“ взяло верхъ. А потомъ персидскія дамы сами стали увлекаться парижской новинкой. Тѣ, у кого еще не было балетнаго костюма, стали завидовать модницамъ, уже нарядившимся въ него... Короче говоря, балетный костюмъ вошелъ въ моду и сталъ такъ близокъ къ жизни, какъ никогда и нигдѣ еще не былъ у себя на родинѣ, въ Европѣ...

Этотъ костюмъ, такъ странно выхваченный изъ царства театральнаго грёзъ и картонныхъ декораций и перенесенный въ обыденную жизнь, потерпѣлъ въ Персіи нѣкоторыя измѣненія. Персянки не могли разстаться съ длинными рукавами и со своею страстью къ тяжелымъ матеріямъ и обильнымъ украшениямъ. Легкія балетныя тюники превратились у нихъ въ нѣчто громоздкое и вдвойнѣ нелѣпое по виду, потому что легкомысленность короткихъ юбочекъ сочеталась у персянокъ съ серьезностью и солидностью тяжелыхъ тканей и—позволимъ себѣ эту нескромность—съ массивной внушительностью ихъ упитанныхъ ногъ...

Не пожелали обитательницы эндерунъ разстаться и съ турецкими шапочками: онѣ носятъ ихъ и при балетномъ костюмѣ. Шапочки эти (аналогичныя татарскимъ тюбетейкамъ) богато вышиваются серебромъ, золотомъ и шелками такъ же, какъ и туфли.

Неизбѣжною принадлежностью европейскаго балетнаго костюма является трико. Какъ мы уже упоминали, въ Персіи трико далеко не считается необходимымъ. Но если его надѣваютъ, то соблюдаютъ слѣдующія условія: для домашняго обихода употребляется трико тѣлеснаго цвѣта. Въ обществѣ же (разумеется, женскомъ) принято показываться въ бѣломъ трико, которое считается приличнѣе.

Триста женъ шаха Насеръ-Эддина ввели такимъ образомъ балетный костюмъ въ моду среди представительницъ высшаго персид-

скаго общества. Оттуда словно по наклонной плоскости новая мода покатила внизъ и наконецъ проникла даже въ низшіе слои населенія. Но тамъ балетный костюмъ претерпѣлъ еще болѣшія измѣненія. Женщины изъ простонародья вмѣсто неудобнаго при работѣ и непрактичнаго трико носятъ простыя панталоны, похожія по своему фасону на мужскія брюки. Вмѣсто пышной юбочки онѣ надѣваютъ коротенькую блузку. Въ общемъ, получается нѣчто похожее на гимназическую мужскую лѣтнюю форму, какую носятъ наши мальчуганы и юноши. И отъ нашихъ гимназистовъ такой персидскій гимназистъ отличается только длинными косичками и тщательно взбитой чолкой на лбу.

Но ничего не можетъ быть забавнѣе параднаго костюма, въ которомъ принимаютъ поздравленія и являются въ обществѣ персидскія принцессы. Балетный костюмъ неизбѣженъ и для нихъ, но онѣ ухитряются придавать ему торжественную солидность, надѣвая поверхъ него пышную, вышитую золотомъ, мантию. Эта мантия въ сочетаніи съ затянутыми въ трико ногами производитъ поистинѣ смѣхотворное впечатлѣніе. Кажется, даже и въ подлинномъ балетѣ принцессы такъ не облачаются, но носятъ длинное платье.

Одѣвая для выхода изъ дома чадиръ или рубанди, персидскія дамы даже и у себя дома не всегда бываютъ свободны отъ такихъ покрововъ. Иногда случается, что окна бываютъ открыты, и какой-нибудь проходящій по двору мужчина, не принадлежащій къ семьѣ, можетъ увидѣть прекрасную обитательницу эндеруна въ непокрытомъ видѣ. Кромѣ того, женамъ иногда приходится выходить на прогулку въ садикъ, отдѣляющій эндерунъ отъ бируна (мужское отдѣленіе въ персидскомъ домѣ). Наконецъ въ эндерунъ приносятъ изъ магазина покупки, приходятъ туда разносчики, слуги, письмоноскы. Неизбѣжность столкновенія съ посторонними мужчинами даже въ стѣнахъ дома заставляетъ персидскихъ красавицъ носить легкій вуаль изъ золотистаго газа, скрывающій лицо, грудь и руки и схваченный иголкой подъ подбородкомъ.

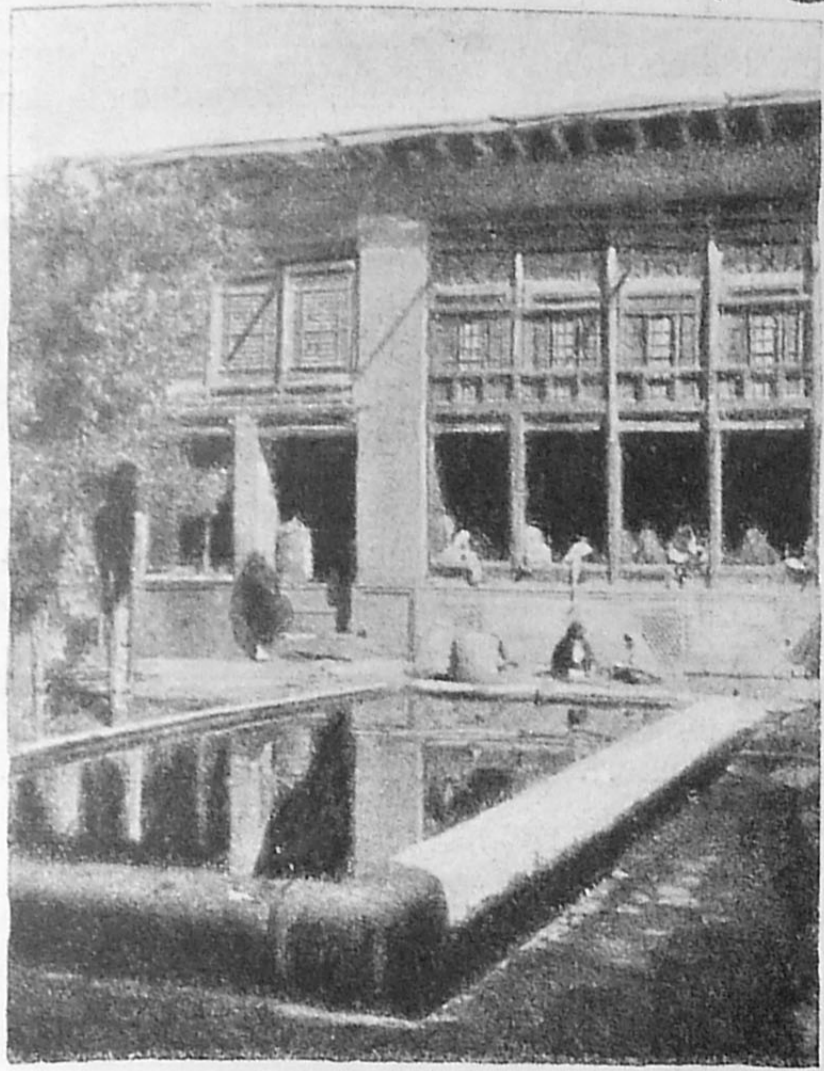
Европейскій костюмъ распространяется въ Персіи довольно медленно и находить для себя доступъ только въ немногихъ знатныхъ домахъ, уже вкусившихъ нѣчто отъ европейской культуры. Въ Тегеранѣ имѣются модистки, претендующія на знаніе послѣдняго крика парижской моды, но создаваемые ими шедевры портняжнаго искусства поражаютъ ужасающимъ безвкусіемъ и самою невѣроятною смѣсью французскаго съ тегеранскимъ. Длинные, пестрыя одѣянія, облѣпленные бантами, усыянные блестками и блестящими бусами, стоятъ балетныхъ костюмовъ, столь остроумно введенныхъ въ моду шахомъ-реформаторомъ.

Персидскія женщины предъявляютъ слишкомъ малый спросъ на какія-либо развлеченія и занятія, выходящія изъ круга ихъ домашнихъ дѣлъ и заботъ. Ни театровъ ни общественныхъ собраний для нихъ не существуетъ. Обитательницы эндерума бываютъ совершенно довольны и счастливы, если имъ удастся послушать какую-нибудь исторію или сказку (обыкновенно почерпаемую изъ безсмертной „Тысячи и одной ночи“ или изъ многочисленныхъ подражаній Шехеразадѣ). За неимѣніемъ рассказчицъ, персидскія дамы пробавляются сплетнями и болтовней другъ съ другомъ, для каковой надобности очень часто ходятъ въ гости и принимаютъ посѣтительницъ у себя. Остальное досужее время наполняется куреньемъ кальяна, шитьемъ и вышиваньемъ, а въ менѣе состоятельныхъ домахъ—хозяйскими дѣлами и заботами. Въ пышныхъ и населенныхъ многочисленными обитательницами гаремахъ—главное мѣсто среди которыхъ, конечно, занимаетъ эндерунъ „владыки владыкъ“—пышнымъ цвѣтомъ распускаются всевозможныя интриги, нерѣдко носящія политическій характеръ.

Среди удовольствій и развлеченій, доступныхъ персидской женщинѣ, видное мѣсто занимаютъ прогулки, посѣщенія магазиновъ и въ особенности пикники. Хотя всякій выѣздъ за предѣлы дома стѣсненъ для персидской дамы необходимостью брать съ собой прислугу, или мать, или свекровь, или старшую изъ женъ, она охотно подчиняется этому надзору, чтобы только подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть на постороннихъ людей. При упомянутыхъ условіяхъ каждый выѣздъ персянки изъ дома напоминаетъ собою торжественное шествіе: сама она, ея прислуга и остальные спутницы усаживаются на ослівъ и медленно двигаются по городскимъ улицамъ словно похоронный или свадебный кортежъ. Съ внѣшней стороны знатныя дамы во время такой поѣздки почти ничѣмъ не отличаются отъ сопровождающей ихъ прислуги: и тѣ и другія представляютъ собою одинаковые темные мѣшки, взгромоздившіеся на спины кроткихъ маленькихъ осликовъ. Но привычный глазъ замѣтитъ разницу: у знатныхъ дамъ и ослы болѣе знатнаго происхожденія, болѣе породистые и дорогіе. А кромѣ того, дамы ѣдутъ каждая на своемъ особомъ ослѣ, тогда какъ служанкамъ полагается ѣхать вдвоемъ на одномъ ослѣ...

Иногда персидскія дамы собираются компаніей и предпринимаютъ поѣздки куда-нибудь за городъ, „подъ сѣнь струй“. Найдя укромный уголокъ гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса или у рѣчки, онѣ усаживаются въ кружокъ, кипятятъ въ котелкѣ чай и, вооружившись чашками, безконечно долго попиваютъ чаекъ и изливаютъ душу въ дружеской болтовнѣ... Путнику, занесенному волей судьбы въ персидскія дебри, приходится часто встрѣчать на дорогѣ такія увеселяющіяся компаніи, ѣдущія на пикникъ или возвращающіяся съ него. Ёдутъ онѣ молча, съ мрачнымъ видомъ, точно свершили что-то недоброе или узнали роковую вѣсть.

Внутренность эндеруна (внутренний дворъ) знатнаго персидскаго дома.

Женщина изъ протонародья въ домашней одеждѣ.

Прежняя домашняя одежда персидской женщины.

Знатная дама изъ Шираса.

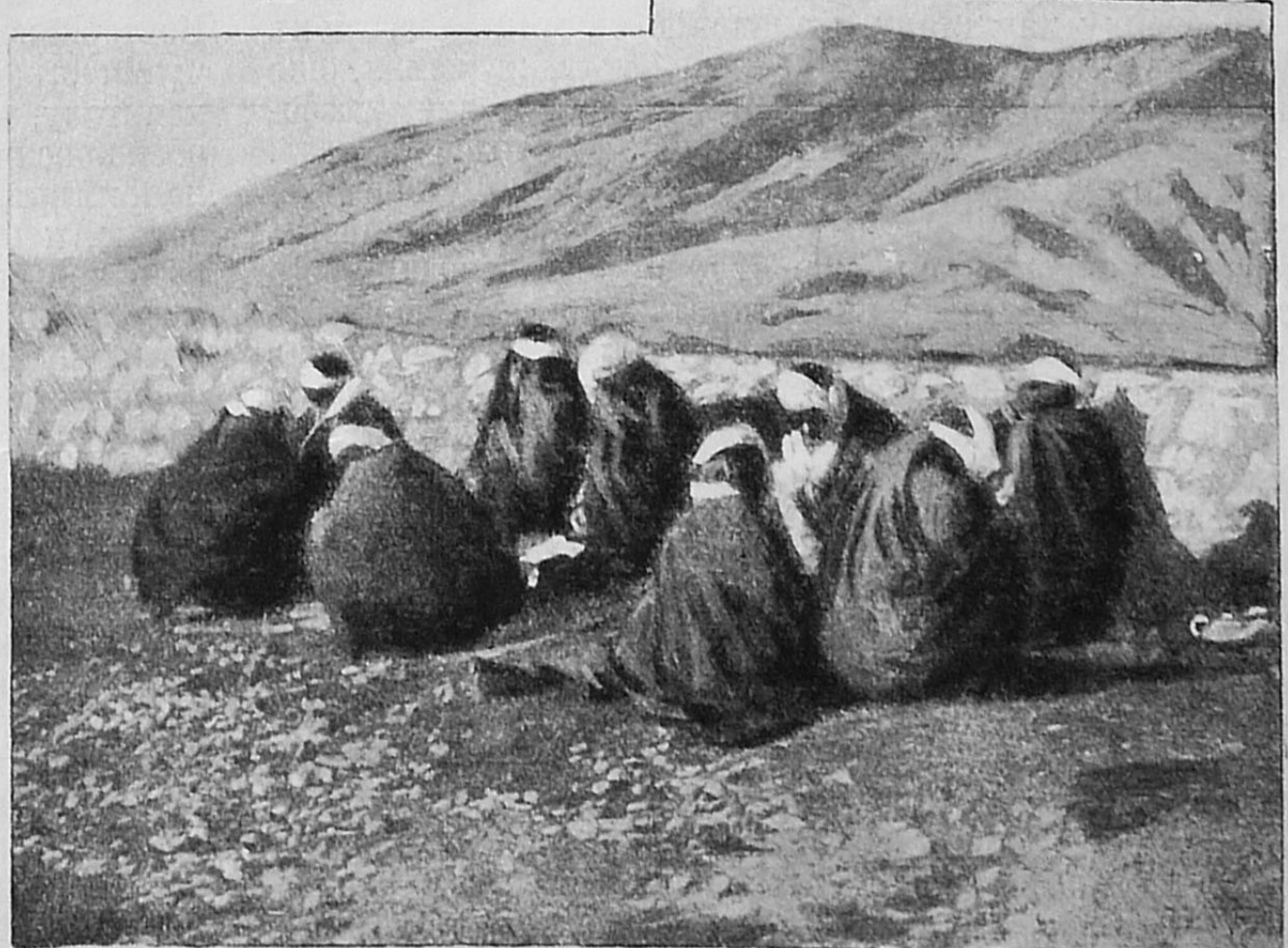
Домашняя одежда знатной персиянки.

Персидская принцесса въ официальномъ костюмѣ для приема посѣтителей.

Деревенскія женщины въ цвѣтныхъ чадирахъ.

За чашкой чаю на открытомъ воздухѣ.

Персидскія женщины.

Безцвѣтна и монотонна жизнь персидской женщины, и почти единственным ярким событиемъ въ ея жизни является свадьба. Къ этому важнѣйшему въ ея жизни моменту она готовится съ дѣтства и не устаетъ мечтать о немъ. А когда она переступитъ этотъ знаменательный предѣлъ въ ея жизни, она не устаетъ вспоминать его и мысленно обращаться къ нему въ любой часъ воспоминаній.

Браки въ Персіи заключаются, какъ и вообще на Востоку, очень рано. Дѣвушки въ 15 и даже 10 лѣтъ уже выходятъ замужъ. Встрѣчаются—правда, въ видѣ исключенія—и болѣе ранніе браки, и иной разъ въ Персіи можно встрѣтить даже восьми-лѣтнихъ замужнихъ дамъ...

Заключеніе брака происходитъ довольно скоро и безъ особыхъ церемоній, послѣ того, какъ родители невѣсты изъявляютъ свое согласіе на бракосочетаніе. Особый специалистъ по опредѣленію „счастливыхъ дней“ (назовемъ его европейскимъ именемъ астролога, потому что онъ гадаетъ по звѣздамъ) устанавливаетъ опредѣленный день для брачной церемоніи—такъ называемый „Ши-

ринъ Коранъ“ („сладкій день Корана“). Въ этотъ день совершается брачный обрядъ и происходятъ празднества, продолжающіяся въ богатыхъ домахъ до десяти дней.

Въ Персіи, какъ и въ Японіи, существуетъ своеобразный обычай временнаго законнаго брака. Пріѣзжій человекъ—путешественникъ, купецъ, солдатъ—можетъ обвѣнчаться съ какой-нибудь пригланувшейся ему обитательницей Ирана на опредѣленный срокъ—положимъ, на мѣсяць. Онъ идетъ къ духовному лицу (моллаху) и заявляетъ ему о своемъ желаніи. И такой бракъ считается совершенно законнымъ и не налагаетъ на женщину никакой тѣни.

Проходитъ мѣсяць, и бракъ самъ собою расторгается. Но временные супруги могутъ по желанію и продолжить его хоть до 99 лѣтъ. Минимальнымъ срокомъ продолжительности такого брака считается 24 часа.

Послѣ расторженія временнаго брака вышедшей въ отставку женѣ предписывается пробыть вдовой не менѣе 45 дней, и по истеченіи этого срока она можетъ снова вступить въ замужество.

На новыя мѣста.

Очеркъ Георгія Аркатова.

(Съ 11 рис. на стр. 339 и 340).

Въ началѣ текущаго года въ Петербургѣ была устроена интересная выставка „Переселенческое Дѣло“, организованная Переселенческимъ Управленіемъ, находящимся въ вѣдомствѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Выставка эта, на которой было собрано и демонстрировано все, что относится къ переселенческому дѣлу, явилась своего рода нагляднымъ и чрезвычайно показательнымъ отчетомъ дѣятельности Переселенческаго Управленія. Другимъ такимъ же показательнымъ и обстоятельнымъ отчетомъ дѣятельности названнаго Управленія служить вышедшая недавно въ свѣтъ интересная и въ высокой степени содержательная книга: „Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг.“.

Оба эти „отчета“—и выставка и книга—являются какъ бы дополненіемъ одинъ къ другому: выставка давала намъ преимущественно картины и образы того, какъ и при какихъ обстоятельствахъ совершается переселеніе русскаго земледѣльческаго крестьянства въ Сибирь „на новыя мѣста“, книга же по преимуществу знакомитъ насъ съ цифровымъ, статистическимъ и историческимъ матеріаломъ. На выставкѣ мы видѣли всевозможные модели, рисунки, образцы почвъ, хлѣбовъ и т. п., и въ рядѣ интересныхъ рисунковъ и кинематографическихъ снимковъ предъ зрителемъ проходила вся Одиссея переселенца—отъ посылки ходоковъ и сборовъ въ дорогу и до поселенія на новыхъ мѣстахъ, далеко-далеко отъ прежнихъ родныхъ мѣстъ. Въ книгѣ же на ряду съ такими же рисунками и снимками мы находимъ обширный статистическій, историческій и описательный матеріалъ, хорошо знакомящій читателя какъ съ дѣятельностью переселенческаго управленія, такъ и съ условіями переселенія...

Переселенческое движеніе въ Россіи—явленіе колоссальной важности. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ мало знаемъ о немъ и слишкомъ мало интересуемся этимъ великимъ переселеніемъ народовъ, происходящимъ въ нашей странѣ каждую весну и лѣто.

Каждый годъ громадная волна колонизаторовъ струится по лицу Россіи, направляясь неудержимымъ потокомъ изъ сердца ея на далекія окраины. Ни въ одной европейской странѣ нельзя встрѣтить ничего подобнаго. Даже эмиграція въ Америку не можетъ сравниться по своему характеру и значенію съ этимъ шестивѣмъ русскаго труда въ Сибирь, на дѣвственные мѣста, на земли, еще не видавшія человѣческой культуры. Эта мощная волна хлѣбопашескаго труда течетъ туда безостановочно, изъ года въ годъ. Только зима съ ея холодами и тягостью далекаго путешествія приостанавливаетъ ея движеніе. И когда вникнешь въ сущность переселенческаго движенія или, еще лучше—когда увидишь его въявь, то становится просто страшно предъ пространственнымъ величьемъ нашей страны. Это такая мощь земли, такая власть пространства, почти неисчерпаемаго, что кажется, будто Россія занимаетъ весь міръ. Шутка сказать: количество земель, отводимыхъ переселенцамъ, исчисляется *милліонами* десятинъ. Каждый годъ эти милліоны десятинъ какъ бы возникаютъ изъ небытія и отбрасываются подъ заселеніе. Мѣста, извѣстныя до того времени только Богу да мѣстнымъ полудикимъ кочевникамъ, постепенно превращаются въ культурныя земли, засѣваются, застраиваются поселками, становятся какъ бы новымъ земельнымъ приростомъ для нашей страны. Шестивѣмъ нашей черноземной хлѣбопашеской силы на дикій востокъ—шестивѣмъ культуры и государственной дѣйствуютъ своимъ примѣромъ на дикарей-кочевниковъ,—они примитивной и основной культурности и государственности. Приходъ на ряду съ устроениемъ быта русскаго переселенческаго Управленія земельнымъ устроениемъ и кочевниковъ-киргизовъ, которые тоже переселяются... изъ необозримыхъ и неопредѣленныхъ мѣстъ кочевья въ опредѣленные и фиксированные участки хлѣбопашескихъ и промышленныхъ районовъ.

Переселенческое движеніе пробуждаетъ къ жизни дремлющую на нашихъ окраинахъ землю. Пространства, равныя по своему протяженію цѣлымъ герцогствамъ и даже королевствамъ и пребывавшія въ небытіи, подобно сказочной красавицѣ, которая спитъ въ дремучей тайгѣ, возвращаются къ жизни пришедшимъ къ нимъ сквозь тьму лѣсовъ и дебрей богатыремъ—русскимъ землепашцемъ...

Какъ велика волна переселенческаго движенія, и въ какой громадной пропорціи растетъ съ каждымъ годомъ эта культивирующая дикую тайгу и мертвую степь равнина, показываютъ слѣдующія цифры, взятые нами изъ таблицъ и картограммъ „Переселенія и землеустройства за Ураломъ“.

Въ 1896—1905 гг. (т.-е. за десять лѣтъ) въ четыре сибирскія губерніи прослѣдовало 913.091 человекъ, а въ періодъ времени между 1905—1910 гг. (пять лѣтъ) уже 1.485.143 человекъ. Вообще же, во всю Азіатскую Россію за второй изъ указанныхъ періодовъ прослѣдовало 2.607.780 человекъ. Возвратилось же обратно въ тотъ же періодъ времени только 264.031 ч. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣдній, вдвое меньшій, періодъ прямое движеніе возросло болѣе, чѣмъ въ два раза, а обратное—только въ 1,4 раза. Иначе говоря, культивирующая волна растетъ вдоль и вширь, разливаясь по обширнымъ пространствамъ Сибири, и назадъ откатывается все меньшая и меньшая ея часть.

За послѣднее время средней годовой размѣръ переселенческаго движенія опредѣлился въ 500.000 душъ обою пола. Почти всѣ губерніи Европейской Россіи даютъ переселенцевъ (за исключеніемъ очень скупой въ этомъ отношеніи Ярославской губерніи, населеніе которой предпочитаетъ переселяться на отхожіе промыслы въ столицы). Наименьшія цифры даютъ губерніи средняго и верхняго Поволжья, наибольшія—нашъ югъ: Полтавская, Харьковская, Херсонская губерніи, гдѣ земельная тѣснота достигла наибольшаго напряженія.

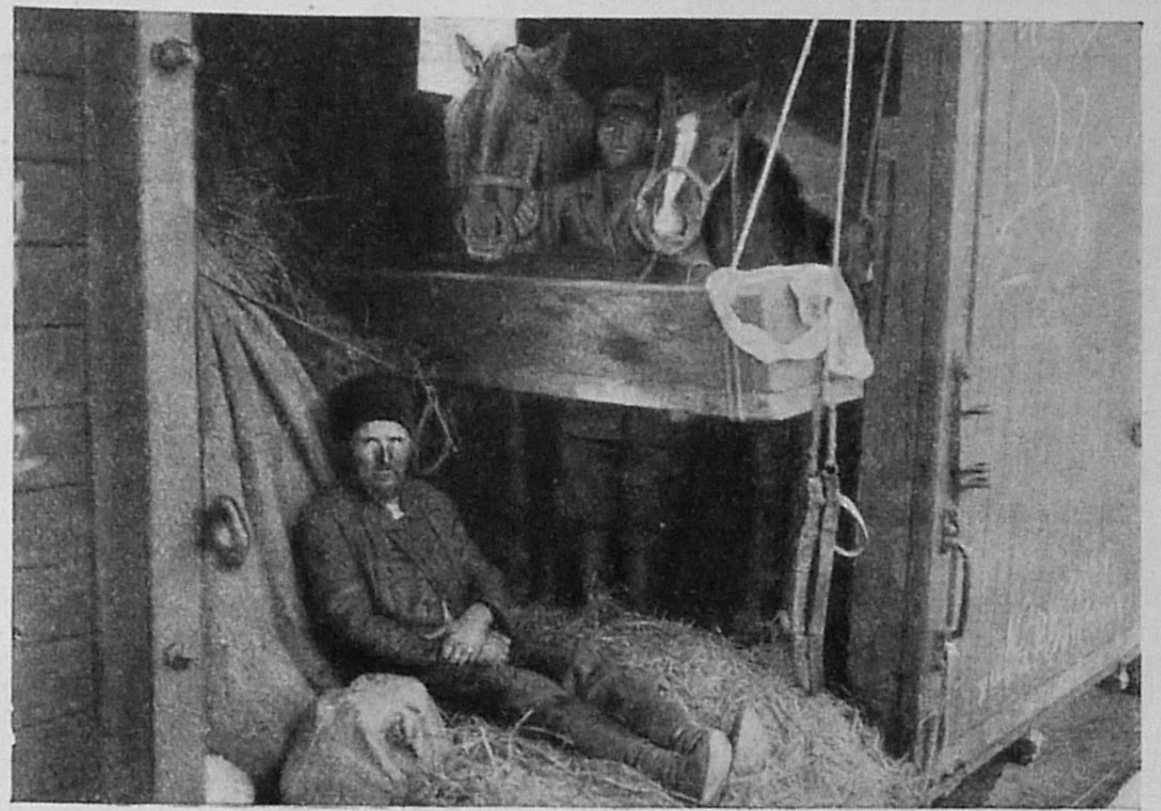
Сотни тысячъ хлѣборобовъ каждый годъ уходятъ за Уралъ на новыя мѣста. Милліоны десятинъ земли отводятся имъ тамъ, на этихъ новыхъ, обтѣванныхъ мѣстахъ... Предъ такими цифрами останавливаешься съ невольнымъ удивленіемъ. „Земля идетъ“... „Дорогу хлѣбопашеской Руси!“—вотъ что говорятъ эти цифры. Повторяемъ, это движеніе нельзя и сравнивать съ эмиграціей въ чужія страны. Тамъ люди идутъ служить чужой странѣ и чужому капиталу, въ качествѣ поработенныхъ ими наемниковъ—идутъ обыкновенно въ страну, уже перенасыщенную культурой, какъ, на примѣръ, въ Америку. Наши же переселенцы идутъ на *свою* землю, и въ качествѣ *хозяевъ*, а не работниковъ. Идутъ создавать новыя земли, творить новый міръ изъ хаоса первобытныхъ лѣсовъ и дикихъ степеней. Величавое и удивительное государственное явленіе, достойное всяческаго вниманія и уваженія.

Движеніе русскихъ землеробовъ въ Сибирь—явленіе не новое. Оно началось почти одновременно съ покореніемъ Сибири. Но никогда еще оно не достигало такихъ размѣровъ, какъ въ послѣдніе годы. Причинами такого усиленія переселенческой волны являются съ одной стороны различныя экономическія обстоятельства (земельная тѣснота, увеличивающаяся въ центральной Россіи съ каждымъ годомъ, неурожай и т. п.), а съ другой стороны—улучшеніе сибирскихъ путей сообщенія и болѣе правильная организація переселенческаго дѣла, иначе говоря—организація правительственной помощи переселенцамъ. Наконецъ немалую роль въ усиленіи переселенческаго движенія сыгралъ законъ 6 іюня 1904 года о свободѣ переселенія сельскихъ обывателей на казенныя земли Азіатской Россіи. Въ настоящее время переселеніе за Уралъ совершенно свободно. Каждая крестьянская семья имѣетъ право по соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей переселиться въ Азіатскую Россію и при переселеніи пользуется многочисленными льготами (на примѣръ, чрезвычайно пониженнымъ проѣзднымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ). Правительство помогаетъ переселенцамъ на каждомъ шагѣ какъ до ихъ водворенія на новыхъ мѣстахъ, такъ и при водвореніи.

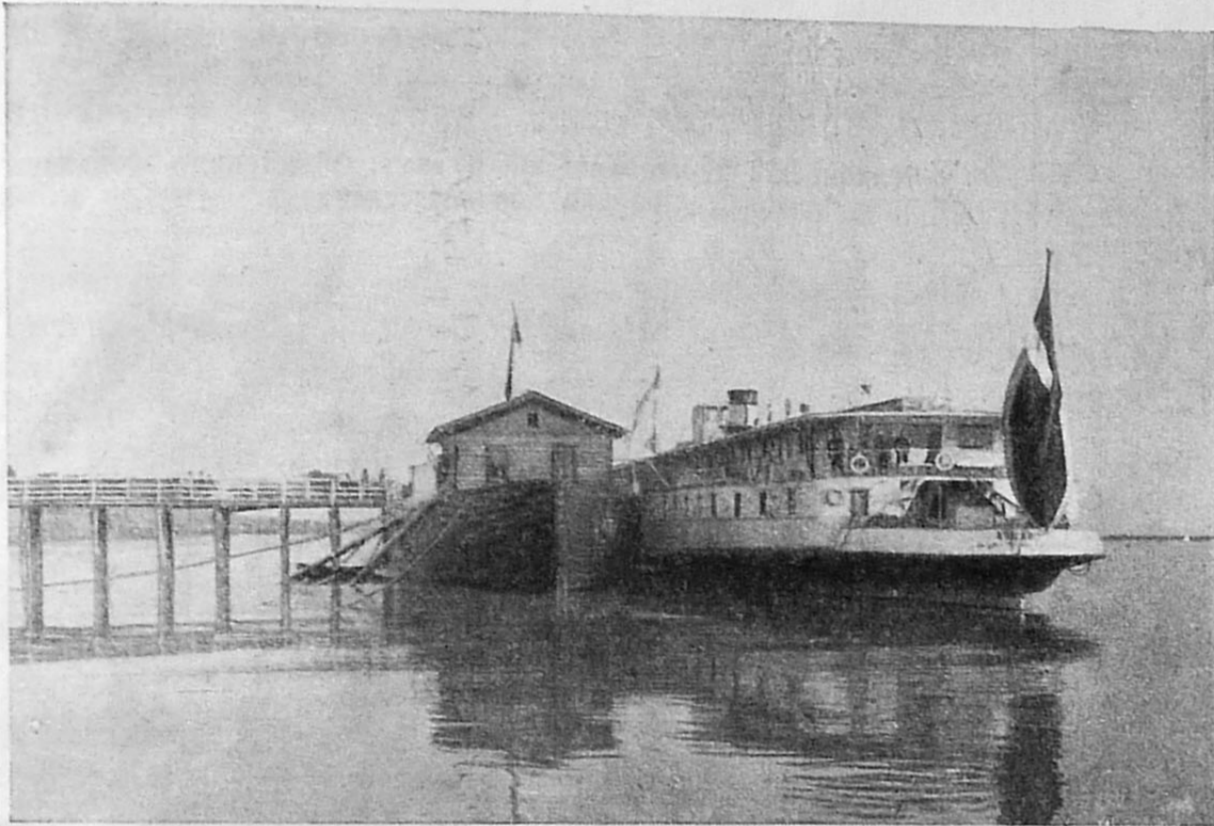

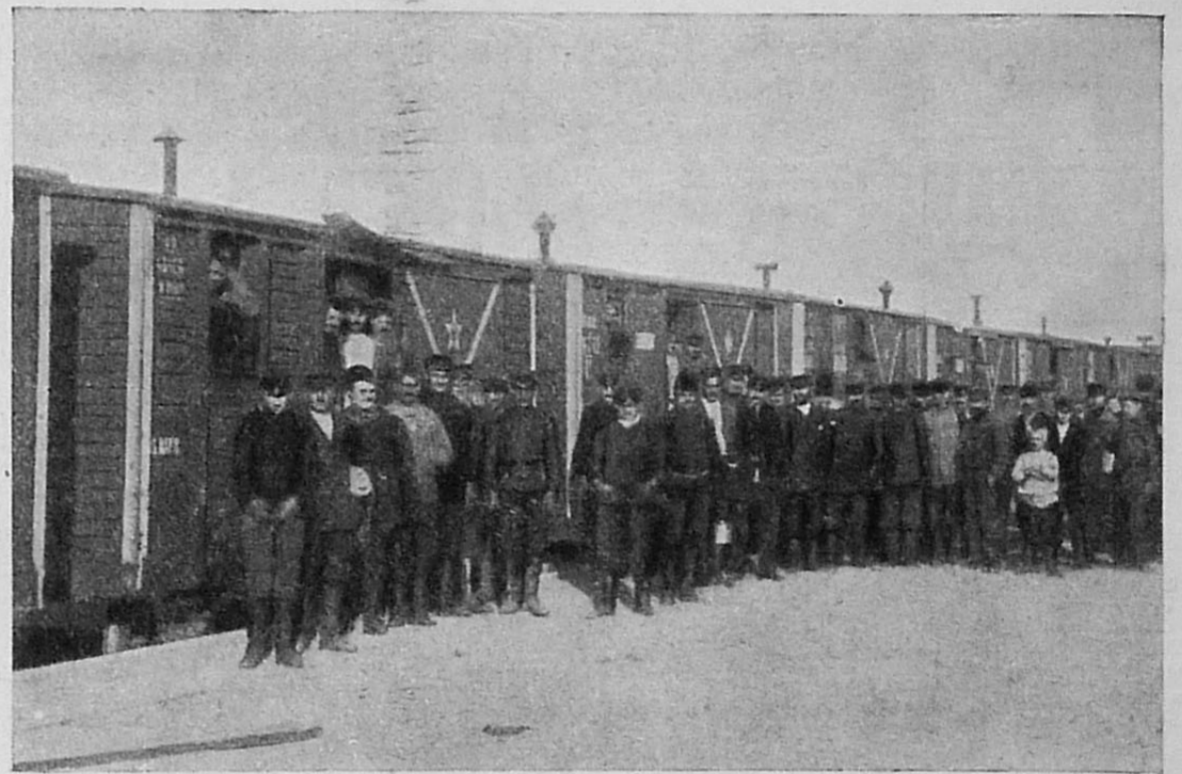
На Челябинскомъ переселенческомъ пунктѣ. Помѣщеніе, въ которомъ даютъ переселенцамъ справки о свободныхъ земляхъ.

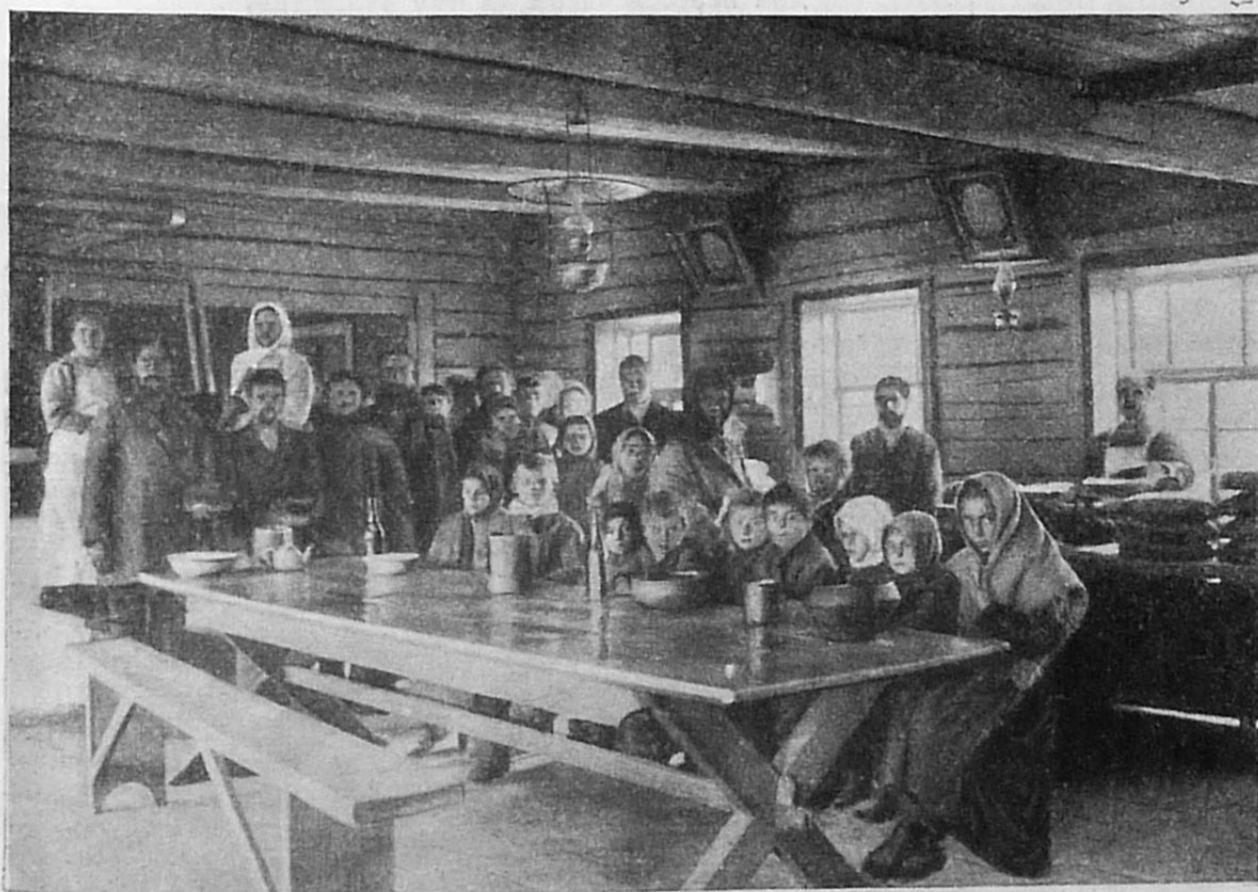
Переселенецъ съ лошадьми въ вагонѣ-теплушкѣ во время пути.

Пароходъ „Алтай“ у пристани въ Омскѣ, перевозящій переселенцевъ, направляющихся въ Семипалатинскую область.

Поѣздъ, состоящій изъ вагоновъ-теплушекъ, въ которыхъ въ прежнее время перевозились переселенцы.

Челябинскій переселенческій пунктъ. Переселенцы въ столовой. Дѣтямъ выдается бесплатно молоко, больнымъ выдается бесплатно обѣдъ, прочимъ переселенцамъ обѣдъ отпускается за плату.

Переселенцы въ пути. На остановочномъ пунктѣ при желѣзнодорожной станціи „Абдулино“. Въ ожиданіи обѣда.

Переселенческій поѣздъ, составленный изъ вагоновъ IV класса, въ которыхъ теперь перевозятся переселенцы. Переселенцы ожидаютъ посадки въ поѣздъ.

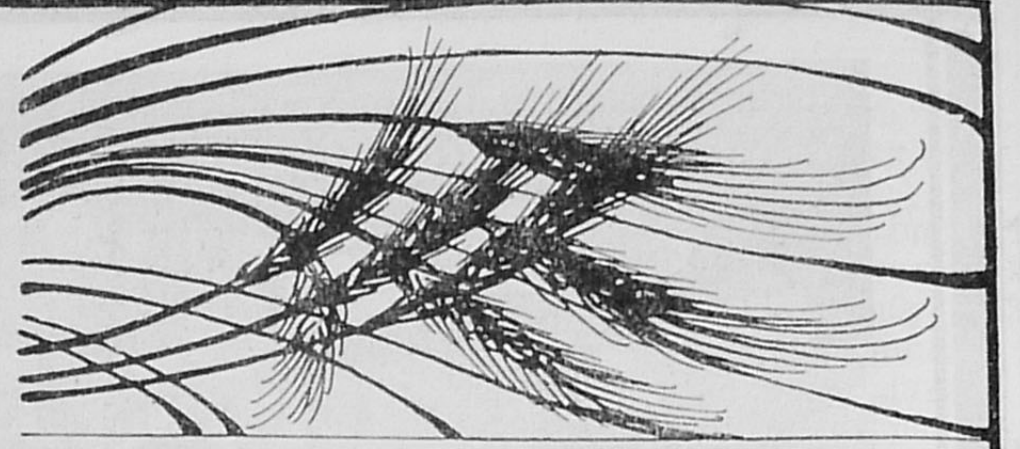
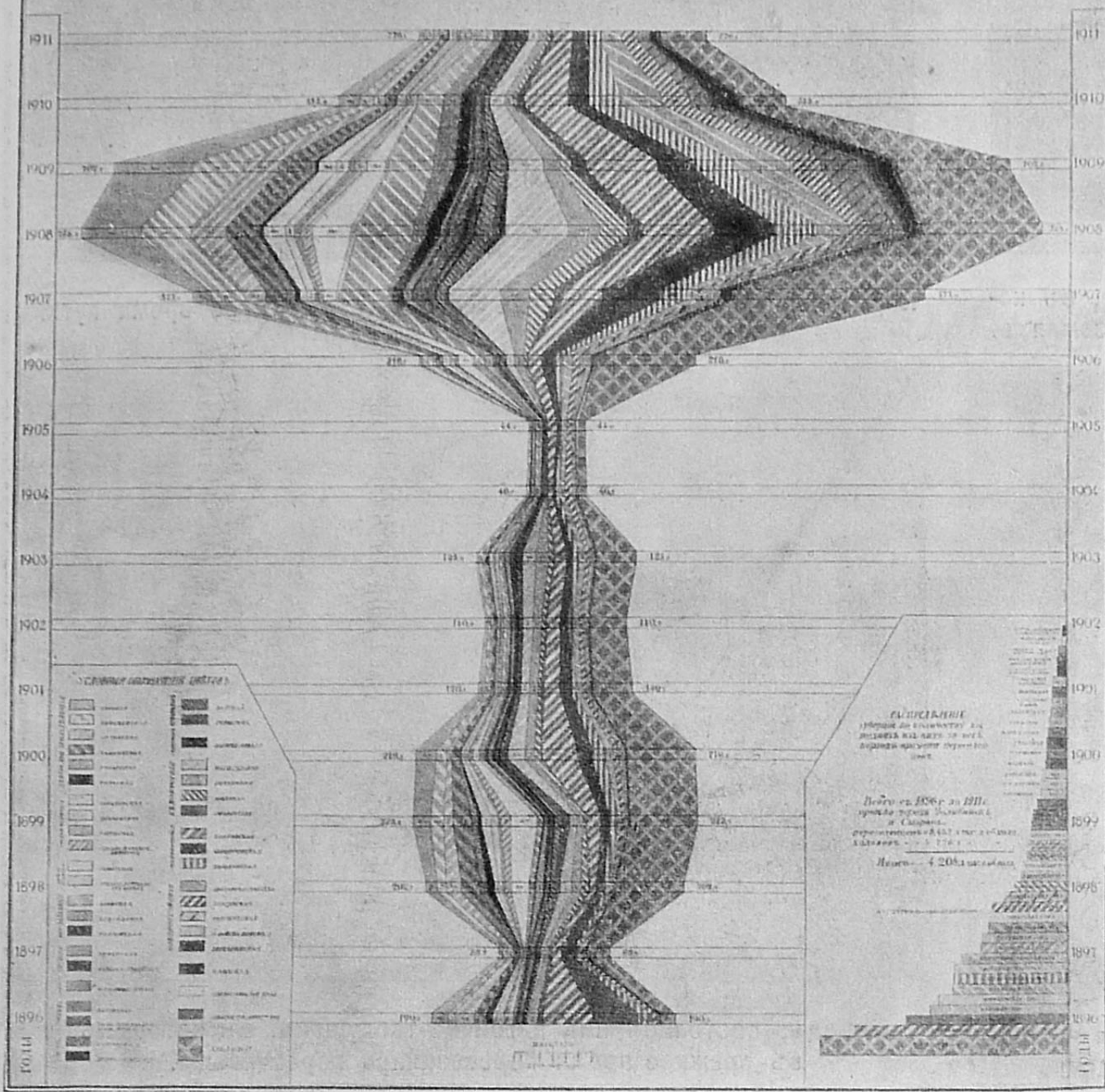
На новыя мѣста.

ДИАГРАММА

движения переселенцевъ въ Сибирь, Степной край и на Дальний Востокъ.

общее число переселенцевъ и ходякомъ съ подраздѣленіемъ первыхъ по губерніямъ и районамъ выхода, прошедшихъ черезъ Челябинскъ и Сырань, за каждый годъ, въ періодъ времени съ 1896 года по 1911 годъ.
(тысячь душъ обоего пола).

Челябинскій переселенческій пунктъ. Общій видъ больницы-барака для переселенцевъ.

Челябинскій переселенческій пунктъ. Остановочный баракъ для переселенцевъ на 400 человекъ.

1) Молитвенный домъ. 2) Баракъ для переселенцевъ, обращенный теперь въ канцелярію по продовольственной части. 3) Канцелярія пункта. 4) Столовая для переселенцевъ. 5) Новое хирургическое отдѣленіе. 6) Аптека и амбулаторія. 7) Больничная прачечная. 8) Новая (строющаяся) баня съ камерой для массовой дезинфекціи. 9) Баракъ для переселенцевъ. 10 и 11) Военныя казармы сади переселенческаго пункта. 12) Сторожка при входѣ на переселенческій пунктъ.

Общій видъ Челябинскаго переселенческаго пункта.

На новыя мѣста.

Железнодорожный переселенческий тариф поражает минимальностью своих ставок. Так, например, переселенческий билет третьяго класса на это же расстояние стоит 17 р. 60 к. В такой же мере понижен для переселенцев и багажный тариф. Стоимость проезда цѣлой переселенческой семьей съ 40 пудами багажа отъ Харькова до Омска обходится въ 24 р. 30 к., та же семья уплатила бы 229 р. 11 к. При этомъ принимаются суммой необходимыхъ удобствъ. Въ настоящее время переселенцы перевозятся въ особыхъ переселенческихъ вагонахъ (4-го класса) съ удобными нарами, отопленіемъ, достаточнымъ процентнымъ отношеніемъ свѣта и воздуха. И только въ исключительныхъ случаяхъ въ переселенческіе поѣзда ставятся обычные теплушки, передѣланные изъ товарныхъ вагоновъ. Движеніе переселенческихъ поѣздовъ совершается гораздо аккуратнѣе и скорѣе, чѣмъ въ прежнія времена, и теперь почти уже не случается тѣхъ колоссальныхъ „задержекъ переселенцевъ“ (например, до 12.000 человекъ, какъ это было однажды въ Челябинскѣ), какія бывали прежде. Въ мѣстахъ остановокъ и въ пересадочныхъ пунктахъ (въ Челябинскѣ, Омскѣ, Иркутскѣ и др. мѣстахъ) для переселенцевъ выстроены громадныя бараки новаго типа, имѣются больницы и амбулаторіи, а также и питательные пункты, гдѣ больнымъ и дѣтямъ выдается бесплатно молоко и иное продовольствіе, а здоровые могутъ получать пищу за ничтожную плату.

Понижены для переселенцевъ и пароходные тарифы по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ. Во время рѣчной поѣздки они помѣщаются въ закрытыхъ и снабженныхъ нарами помѣщеніяхъ 4-го класса на громадныхъ пароходахъ волжско-американскаго типа, какіе ходятъ теперь не только по Волгѣ и Камѣ, но и по сибирскимъ рѣкамъ.

Все это сравнительное благополучіе, достигнутое въ переселенческомъ дѣлѣ за послѣдніе годы и позволяющее нашимъ сѣрымъ землеробамъ совершать свою долгую переселенческую Одиссею сравнительно безболѣзненно, въ огромной своей долѣ достигнуто трудами основаннаго въ 1896 году Переселенческаго Управленія и трудами нѣкоторыхъ земствъ—преимущественно южныхъ губерній, откуда идетъ въ Сибирь наибольшее количество переселенцевъ.

Переселенческое Управленіе сопровождаетъ переселенца на всемъ его пути почти на каждомъ шагу. Мало того, его опека начинается, въ сущности, еще ранѣе того, какъ земледѣлецъ надумаетъ двинуться на новыя мѣста. Краснорѣчивыя данныя „Переселенія и землеустройства за Ураломъ“ говорятъ намъ объ этомъ съ достаточной убѣдительностью и ясностью.

Въ этой книгѣ (равно какъ и на бывшей выставкѣ „Переселенческое Дѣло“) предъ нами проходитъ вся жизнь переселенца, этого такъ странно и необычно выбитаго изъ своей колеи человека, начиная съ момента сборовъ въ дорогу и кончая благополучнымъ возникновеніемъ новаго мѣста осѣлости въ далекомъ новомъ краю. И почти въ каждый моментъ этой жизни ему при-

ходится встрѣчаться съ широко поставленной помощью Переселенческаго Управленія.

Еще до прихода переселенцевъ въ Сибирь Управленіе нарѣзываетъ для нихъ участки земли, обследуетъ въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ земли, еще неизвѣстныя, входитъ въ соглашеніе съ исконными насельниками этихъ земель—кочевниками-киргизами, объ отграниченіи нѣкоторой доли находящихся въ ихъ пользованіи казенныхъ земель для нуждъ переселенцевъ. Еще до прибытія переселенцевъ на новыя мѣста Переселенческое Управленіе производитъ цѣлый рядъ работъ—землеотводныхъ, гидротехническихъ, дорожныхъ. Короче говоря, для переселенцевъ подготавливается ихъ будущій рабочий очагъ.

Какъ можно видѣть изъ картограммъ, все эти работы выражаются громадными цифрами. Достаточно, напримеръ, сказать, что землеотводнымъ отдѣломъ отведено уже свыше 36 милліоновъ десятинъ для переселенцевъ. И это колоссальное количество земли—только еще незначительная часть тѣхъ земельныхъ пространствъ, которыя еще ждутъ отвода, изслѣдованія и укрѣпленія за новыми переселенцами. Въ такомъ же милліонномъ масштабѣ производятся различныя обследования, гидротехническія работы, осушка болотъ, устройство колодезевъ и пр. Такъ, напримеръ, въ одномъ только ботаническомъ отношеніи уже изслѣдовано 65 милліоновъ десятинъ.

Но вотъ землеробы снялись со своихъ старыхъ, насиженныхъ мѣстъ и ѣдутъ со своимъ скарбомъ въ далекій путь. Переселенческое Управленіе входитъ въ соглашеніе съ железнодорожнымъ вѣдомствомъ, съ частными пароходовладѣльцами, съ мѣстными административными властями о томъ, чтобы переселяющимся было предоставлено возможно болѣе удобствъ въ пути. Мы уже упоминали о специальныхъ вагонахъ и поѣздахъ, о лѣчебныхъ и питательныхъ пунктахъ, о баракахъ, которые представляютъ теперь настоящія сооруженія. Въ каждомъ остановочномъ пунктѣ переселенцы на ряду съ пріютомъ для житія находятъ для себя и довольно благоустроенныя бани.

Кромѣ всего этого, Переселенческое Управленіе заботится и о своевременномъ оповѣщеніи ѣдущихъ переселенцевъ о томъ, сколько участковъ и какіе именно имѣются въ запасѣ въ данное время. Нужно, впрочемъ, оговориться, что эта мѣра имѣетъ въ виду собственно ходоковъ, которые, по правиламъ, должны предварительно подыскать нужныя мѣста, куда затѣмъ и ѣдутъ уже цѣлыя переселенческія семьи. Въ Челябинскѣ устроено особое освѣдомительное бюро съ планами, картами и пр. Дежурящіе въ этомъ бюро чиновники Переселенческаго Управленія даютъ необходимые справки и вообще помогаютъ всякому нуждающемуся въ освѣдомленіи словомъ и дѣломъ... Здѣсь, въ этомъ своеобразномъ бюро, ходоки и переселенцы могутъ заранѣе ориентироваться въ своемъ дальнѣйшемъ маршрутѣ.

Затѣмъ, когда переселенцы уже прибываютъ въ избранныя участки на свое новое мѣстожительство, для Переселенческаго Управленія начинается новая забота—о томъ, какъ „водворить“ ихъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кольцеобразное затменіе солнца 4 апрѣля 1912 г.

Очеркъ Н. С. Павловскаго. (Съ 9 рис. на стр. 343).

Затменіе мнѣ удалось наблюдать въ селѣ Спасская Полисть Новгородской губ., куда я отправился съ экспедиціей отъ Петербургскаго Университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ руководствомъ профессора А. А. Иванова.

Въ Спасскую Полисть мы выѣхали заранѣе, 2 апрѣля, чтобы установить инструменты, найти поправку хронометра (времени) и опредѣлить широту и долготу мѣста наблюденія. На мѣстѣ экспедиція раздѣлилась на три группы: одна отправилась въ дер. Трегубово, расположенную на сѣверной границѣ кольцеобразной зоны затменія, а другая—въ дер. Мостки, южную границу этой зоны.

Въ каждомъ наблюдательномъ пунктѣ была найдена поправка хронометровъ и опредѣлена широта по наблюденіямъ звѣздъ и солнца. Чтò касается опредѣленія долготы, то долгота Спасской Полисти была опредѣлена еще въ 1859 году Смысловскимъ, наблюдательный пунктъ котораго былъ нами разысканъ. Долгота дер. Трегубова была опредѣлена благодаря любезности правленія Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. по телеграфнымъ сигналамъ, а дер. Мосткова—при помощи свѣтовыхъ сигналовъ (вспышки магнія).

Въ день затменія съ ранняго утра толпы крестьянъ окружали наши инструменты, установленныя въ садикѣ школы, которая была намъ любезно предоставлена на трое сутокъ.

Часть крестьянъ подсмѣивалась надъ нами, увѣряя, что никакого затменія не будетъ, и что никто изъ смертныхъ не можетъ напередъ знать пути „небесныхъ планидъ“.

Большинство же вѣрило астрономическимъ предсказаніямъ, но никакъ не хотѣло согласиться съ нами, что затменіе пройдетъ безъ особыхъ знаменій. Такъ, одни говорили, что во время затменія посыплются съ неба камни, другіе же увѣряли, что земля будетъ дрожать и на воздухѣ появятся „еропланы“. Вообще затменіе вызвало у крестьянъ живой интересъ и возбудило много всевозможныхъ толковъ. Безучастны къ затменію были только деревенскія бабы, которыя спокойно таскали воду, а въ моментъ затменія сидѣли по избамъ.

По мѣрѣ того, какъ приближался моментъ затменія, настроеніе въ толпѣ все больше и больше возрастало. У многихъ начинаютъ появляться закопченныя стекла, изготовленіемъ которыхъ занимаются въ сѣняхъ школы учитель и учительница.

За полчаса до начала затменія мы устраиваемся у своихъ инструментовъ, провѣряя ихъ установку и подбирая цвѣтныя стекла (зеленыя и разной густоты красныя) такъ, чтобы во время затменія, когда свѣтъ солнца будетъ убывать, можно было бы скоро и удобно переходить отъ системъ съ густымъ оттѣнкомъ къ болѣе прозрачнымъ. Минуты за три до начала затменія около инструментовъ гробовая тишина, и только хронометры равномерно постукиваютъ, вторя ударами нашихъ сердецъ.

Напряженно всматриваюсь въ западный край солнца, гдѣ съ секунды на секунду долженъ обрисоваться темный край луны, такъ какъ моментъ начала затменія можетъ отойти секундъ на 10 въ ту и другую сторону отъ вычисленнаго. Поэтому за минуту до вычисленнаго момента начала затменія (первый контактъ) беру счетъ хронометра, который равномерно отбиваетъ секунду за секундой: одна, двѣ, три... сорокъ восемь, сорокъ девять—и вотъ на блестящемъ дискѣ солнца съ западнаго края появилась едва замѣтная темная выемка. Первый моментъ колеблешься, край ли луны это, или же искаженіе контура солнечнаго диска отъ движенія легкой вуали облаковъ. Еще ударъ—и нѣтъ больше сомнѣнія, что это темный контуръ луннаго диска наползающаго подобно темному демону на лучезарное дневное свѣтило, чтобы его затмить.

Едва мы успѣли сдѣлать помѣтки у себя въ записныхъ книжкахъ, какъ сотня импровизированныхъ астрономовъ съ закопченными стеклами въ рукахъ пронаблюдала начало затменія всего лишь минутой съ небольшимъ позже насъ.

До кольцеобразнаго затменія, которое продлится отъ 18 до 20 сек., остается еще часъ съ нѣсколькими минутами. Пока же наблюдать особенно нечего, и мы только отъ времени до времени поглядываемъ

через темное стекло на солнце, которое все больше и больше закрывается луной. Видъ солнца въ это время хорошо изображаетъ снимокъ С. К. Шимановскаго, любопытный еще тѣмъ, что онъ полученъ безъ объектива, при помощи только небольшого отверстия—прокола (діаметромъ въ 0,2 миллиметра), сдѣланнаго въ срединѣ крышки, помѣщенной на объективномъ концѣ трубы; къ окуляру трубы (нѣсколько удлиненной) была придрѣлана кассета съ фотографической пластинкой. Всего С. К. Шимановскимъ получено нѣсколько снимковъ; одинъ изъ нихъ, любезно имъ предоставленный, мы здѣсь и воспроизводимъ (см. рис. на стр. 343).

По мѣрѣ того, какъ луна все больше и больше надвигается на солнце, на землю опускается какая-то особая тьма, не похожая на ту, которую мы ежедневно наблюдаемъ при закатѣ солнца. Тѣни становятся рѣзкими, и кажется, что атмосфера рѣдѣетъ, принимая сперва оранжево-желтый цвѣтъ, а затѣмъ красный съ особымъ оттѣнкомъ,

когда отъ солнца остается узенькій серпокъ. Одна, двѣ минуты—и должно начаться кольцеобразное затменіе. Серпъ быстро уменьшается, и изъ-за темнаго диска луны со стороны его движенія постепенно начинаетъ вырываться пучками розовый, а затѣмъ красноватый свѣтъ солнечной атмосферы (хромосферы).

Еще мгновенье—и край луны со стороны ея движенія искажается до неузнаваемости. На немъ появляются таинственные темные бугры или, какъ ихъ въ астрономіи называютъ, темныя капли (см. рис.), между которыми блеститъ дискъ солнца. Темныя капли быстро перебѣгаютъ сверху внизъ (при наблюденіи въ земной окуляръ) и постепенно вытягиваются на подобіе увеличивающейся капли воды. Мгновенье—и темныя капли исчезаютъ.

Начинается кратковременная фаза кольцеобразнаго затменія. Черный дискъ луны принимаетъ правильный круговой контуръ, вокругъ котораго блеститъ свѣтлое кольцо солнечнаго диска (см. рис.). Въ моментъ кольцеобразнаго затменія темнота быстро увеличивается. Небо принимаетъ красноватый отблескъ. Такъ продолжается нѣсколько секундъ. Затѣмъ слѣва кольцо разрывается.

Для большинства явленіе окончилось. Остальныя фазы (повтореніе прежнихъ въ обратномъ порядкѣ) наблюдаютъ только астрономы для того, чтобы пронаблюдать послѣдній контактъ и тѣмъ самымъ точно опредѣлить моментъ окончанія затменія.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о контактахъ, наблюденія надъ которыми очень важны, такъ какъ изъ нихъ можно точно вывести движеніе нашего спутника—луны. Kontakтами называются моменты, когда края луннаго и солнечнаго диска касаются. При затменіяхъ (полныхъ и кольцеобразныхъ) бываетъ два внѣшнихъ (первый и четвертый) и два внутреннихъ касанія (второй и третій). Внѣшніе контакты, это—начало и конецъ вообще затменія, а внутренніе—полной или кольцеобразной фазы. Здѣсь мы приводимъ рисунки перваго и втораго контактовъ, третій и четвертый

будутъ по виду такіе же, но только произойдутъ съ лѣвой стороны (на восточномъ краю солнца).

Кромѣ Спасеской Полисти въ полосѣ кольцеобразнаго затменія оказались станція Серебрянка Варшавской желѣзной дороги и Гряды, Николаевской, куда устремилась большая часть петербуржцевъ наблюдать затменіе.

Интересны снимки, полученные въ экспедиціи отъ Пулковской обсерваторіи на станціи Серебрянка, гдѣ фотографиро-

ваніемъ занимались Г. Н. Неуйминъ и Балоновскій при помощи специально для этого приспособленнаго инструмента, такъ называемаго гелиографа.

Особенно интересенъ снимокъ, полученный въ моментъ начала кольцеобразной фазы, когда на западномъ краю солнца мы видимъ не правильное блестящее кольцо солнца, а цѣлый рядъ блестящихъ точекъ, раздѣленных темными пятнами. Что касается этого явленія, получившаго названіе темныхъ капель или четокъ Байла, то оно

отчасти происходитъ отъ лунныхъ горъ, но главнымъ образомъ это чисто-оптическое явленіе, носящее названіе диффракціи.

Много любопытныхъ результатовъ получено въ самой Пулковской обсерваторіи, гдѣ затменіе было частнымъ. Здѣсь фотографированіемъ занимались: старшій астрофизикъ академикъ А. А. Бѣлопольскій при помощи гелиостата и зеркала діаметромъ въ 25 сантиметровъ и фокуснымъ разстояніемъ въ 3,5 метра, и С. К. Костинскій—при помощи большаго 14-дюймаго пулковскаго астрографа.

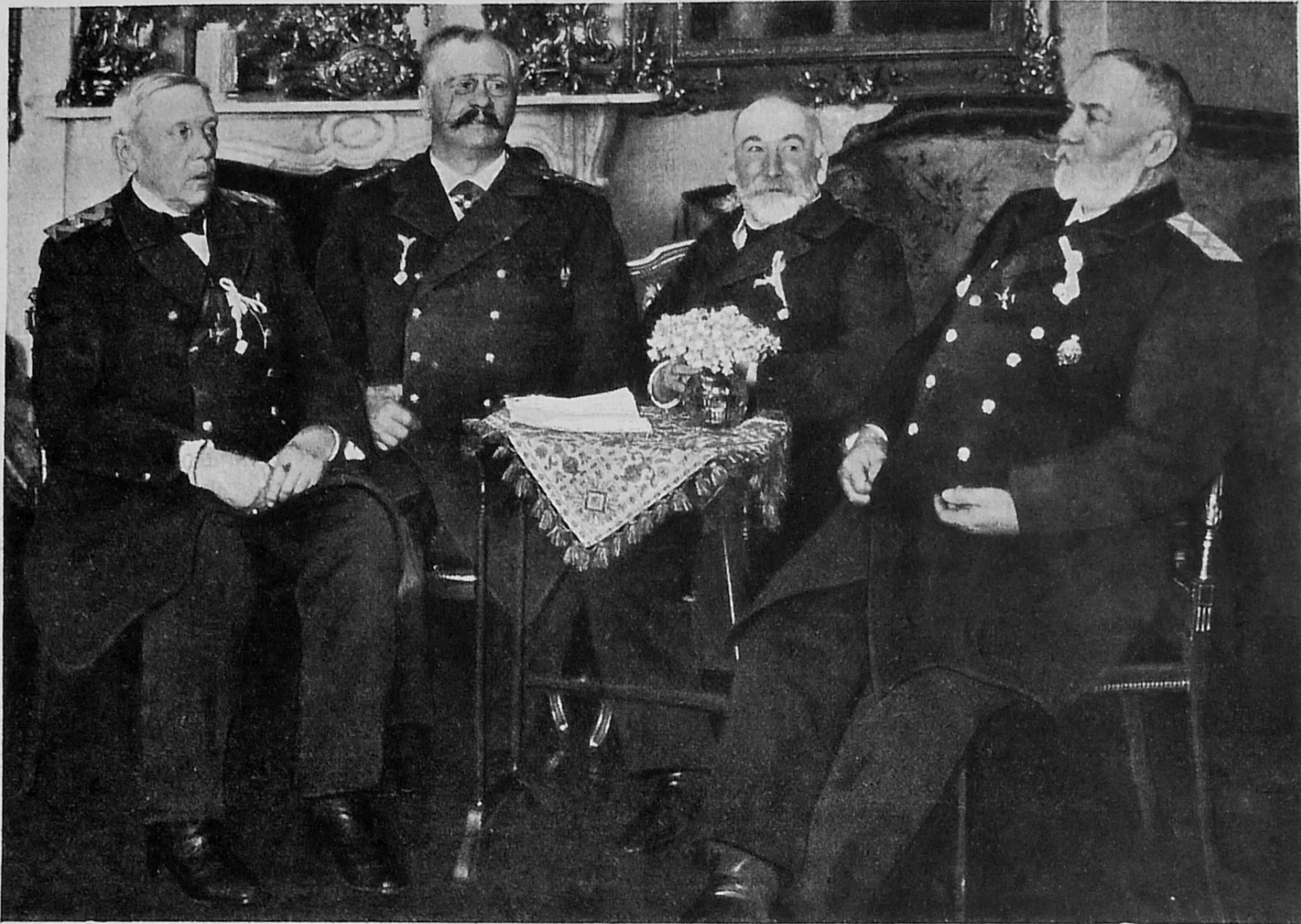
Академикъ А. А. Бѣлопольскій получилъ очень красивую серію снимковъ различныхъ фазъ затменія. Одинъ изъ этихъ снимковъ, полученный въ 2 часа 51 мин. по пулковскому времени и доставленный намъ фотографомъ К. Булла, мы здѣсь воспроизводимъ.

Любопытные снимки спектра были получены Г. А. Тиховымъ въ моментъ наибольшей фазы частнаго затменія на короткофокусномъ Бредихинскомъ астрографѣ, къ объективному концу котораго была прикрѣплена объективная призма. На этихъ снимкахъ на ряду съ спектромъ солнечнаго серпа ясно выступаютъ въ линіяхъ кальція H и K изображенія большаго протуберанца, который былъ сфотографированъ С. К. Костинскимъ черезъ красный свѣтофильтръ, приготовленный Г. А. Тиховымъ. Здѣсь мы приводимъ фотографію

астрографа, на которомъ Г. А. Тиховъ производилъ свои работы.

Изъ полученныхъ нами снимковъ любителей-фотографовъ самый интересный и любопытный присланъ М. П. Томиловской, который она сдѣлала въ деревнѣ Смерди близъ Луги въ моментъ кольцеобразной фазы затменія. Присланный ею снимокъ, нами увеличенный, мы здѣсь воспроизводимъ. На немъ ясно виденъ темный дискъ луны, опоясанный блестящимъ солнечнымъ кольцомъ.

Вообще затменіе вызвало большой интересъ среди всѣхъ слоевъ нашего общества. Петербуржцы съ удовольствіемъ вырвались изъ узкихъ тѣсныхъ улицъ столицы на просторъ полей и тутъ вдоволь полюбовались чистымъ голубымъ небомъ, затменіемъ да и самимъ солнцемъ, которымъ насъ не очень балуетъ пасмурное петербургское небо.

Адмиралъ М. Г. Веселаго и генералы И. П. Андреевъ, Д. В. Благодаревъ и И. И. Чайковскій.
(По поводу 50-лѣтія службы).

Адмиралъ Н. И. Скрыдловъ.
(По поводу 50-лѣтія службы).

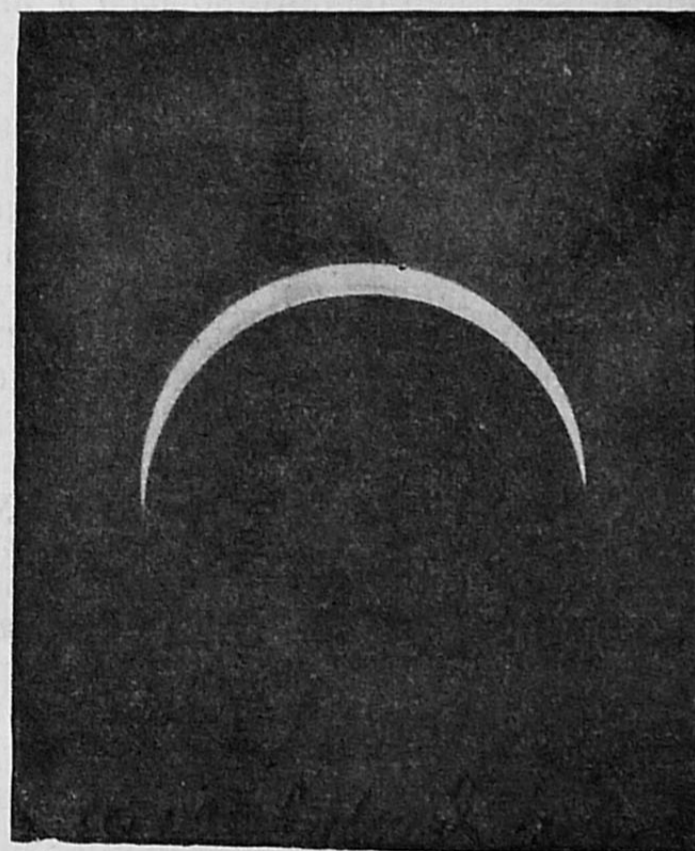
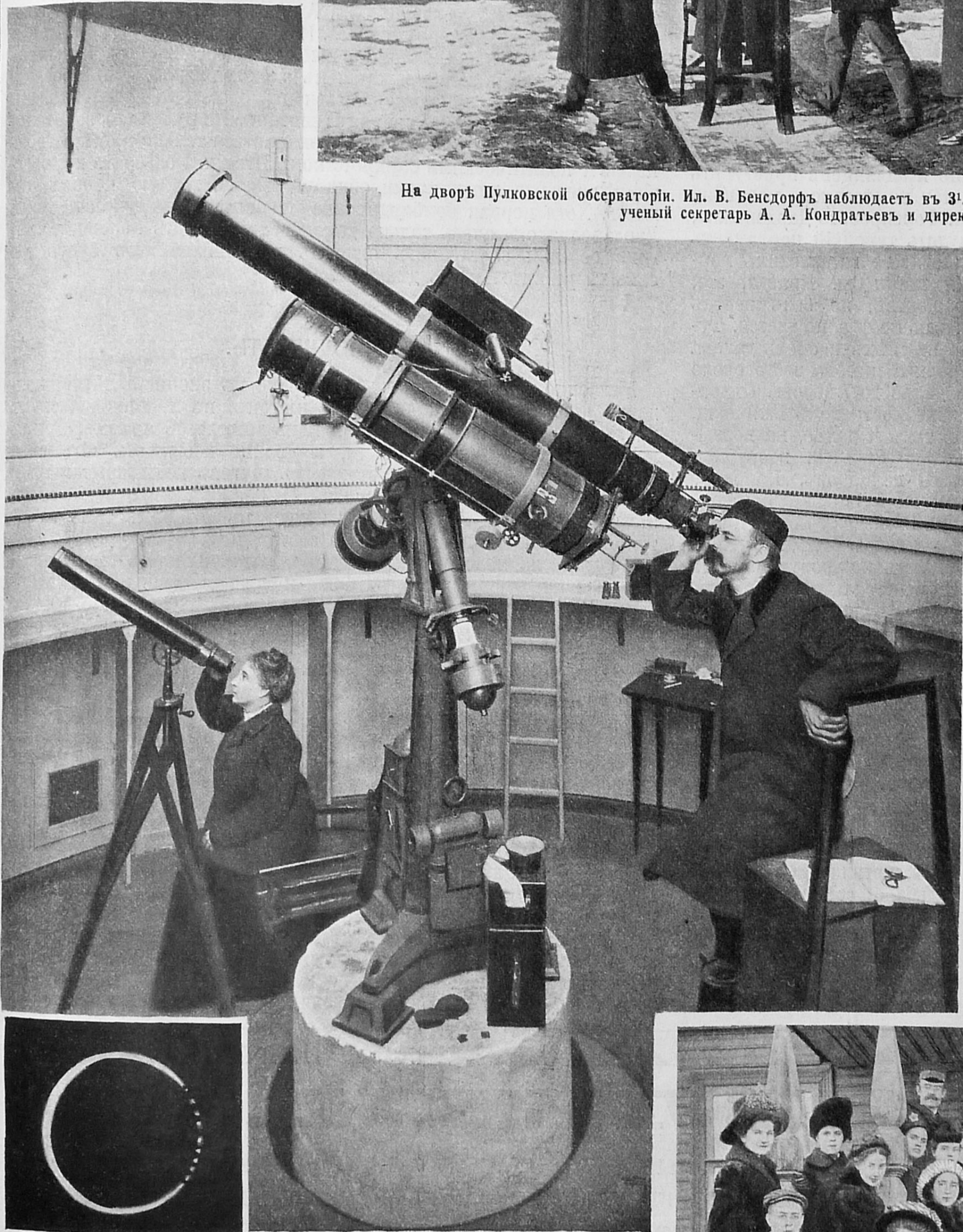

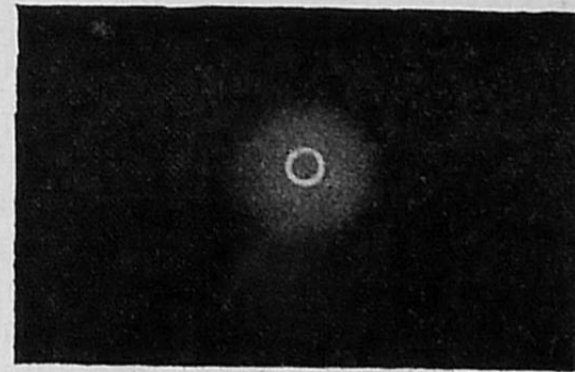
Снимокъ солнца черезъ отверстіе 0,2 мм. діаметромъ, при экспозиціи въ 0,3 секунды. Сдѣланъ С. К. Шимановскимъ въ Пулковѣ въ 2 ч. 19 мин.

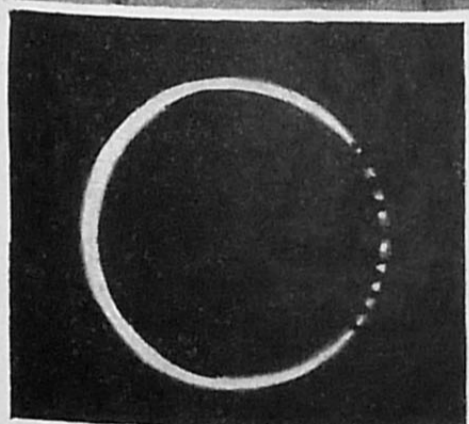
На дворѣ Пулковской обсерваторіи. Ил. В. Бенсдорфъ наблюдаетъ въ 3 1/2-дюймовую трубу Фраунгофера. Лѣвѣе стоятъ ученый секретарь А. А. Кондратьевъ и директоръ О. А. Баклундъ.

Снято въ Пулковѣ академикомъ А. А. Бѣлопольскимъ съ помощью гелиостата и рефлектора съ зеркаломъ въ 25 сант. и фокусомъ 3,5 метра. Моментъ по пулковскому времени 2 ч. 51 м. (Доставл. фот. К. Булла).

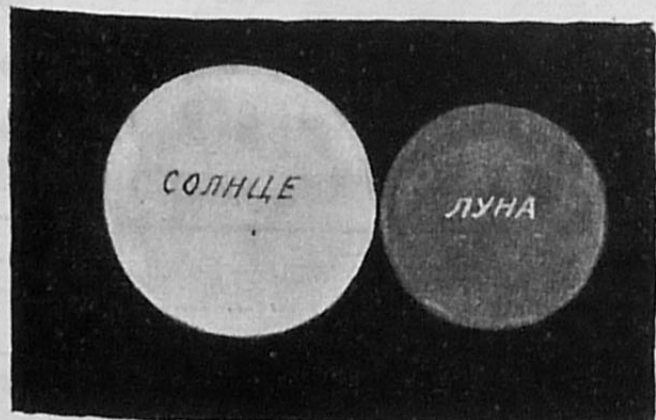

Снято въ 2 ч. 37 м. 30 сек. въ дер. Смерди, Лужскаго уѣзда, М. П. Томиловской.

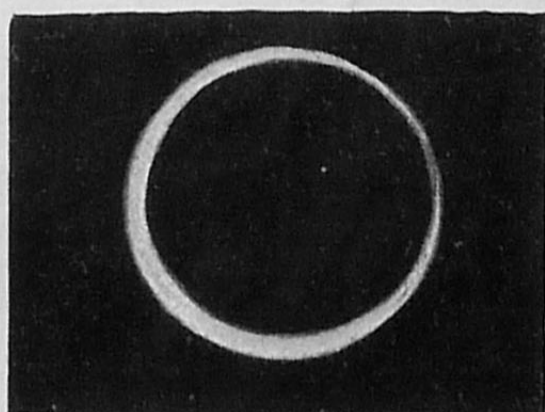

Темныя капли во время второго контакта (луна движется справа налѣво).

Г. А. Тиховъ съ женою въ башнѣ 6-дюймоваго Бредихинскаго астрографа въ Пулковѣ.

Контактъ первый.

Контактъ второй.

Экспедиція отъ СПб. Университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ руководствомъ проф. А. А. Иванова (фотогр. А. А. Кондѣйинъ).

Бомбардировка Дарданелль.

(Политическое обозрѣніе).

Трехчасовая бомбардировка итальянцами Дарданелль и военные дѣйствія противъ острововъ Эгейскаго моря съ захватомъ одного изъ острововъ, какъ базы для итальянскаго флота—была истолкована всею печатью, какъ поворотъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но прошло нѣсколько дней, и никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны итальянскаго флота не воспослѣдовало. Пострѣлявъ въ береговыя укрѣпленія Кумъ-Кале съ 15-верстной дистанціи, гарантирующей безопасность стрѣльбы и для противника и для себя, итальянскіе броненосцы мирно отошли вспять и безслѣдно скрылись за горизонтомъ. вмѣсто возвѣщеннаго форсирования Дарданелль получилась довольно невинная морская демонстрація, которая итальянцевъ не утѣшила, а турокъ нисколько не утѣшила. Недаромъ младо-турецкая печать остритъ, что итальянскій адмиралъ салютовалъ открытію новоизбраннаго турецкаго парламента и торжественному чтенію тронной рѣчи султана. Послѣ первой тревоги все быстро успокоилось, жизнь понемногу входитъ въ обычную колею, и, по требованію державъ, турецкое правительство рѣшило открыть Дарданеллы для прохода коммерческихъ судовъ.

Чѣмъ объясняется такой мирный исходъ перваго итальянскаго натиска? Можно думать, что стремленіе итальянцевъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ разбивается не столько о военные, сколько о дипломатическія препятствія. Форсировать Дарданеллы, пробиться къ Константинополю и вынудить турецкій парламентъ къ миру подъ наведенными на него жерлами гигантскихъ морскихъ орудій—итальянцы фактически могли бы. Правда, это, быть-можетъ, стоило бы имъ не мало жертвъ, но безъ жертвъ или безъ готовности къ жертвамъ никакая побѣда не дается. Турецкая оборона Дарданелль сооружена на-спѣхъ и очень далека отъ идеала. Входъ въ южную часть пролива имѣетъ всего около 3½ версты ширины и уширяется уже далѣе до 7 верстъ. Сѣверная сторона этого района образуется полуостровомъ Галиполи, на которомъ, какъ на оконечности его, такъ и далѣе, на возвышенныхъ пунктахъ расположено нѣсколько батарей, вооруженныхъ крупновскими орудіями тяжелыхъ калибровъ. Наиболѣе сильно укрѣплена средняя и самая узкая часть Дарданелль (около 2 километр.). Укрѣпленія, обращенныя къ Эгейскому морю (Кумъ-Кале и Орханіэ на азіатскомъ берегу и Седиль-Баръ, Акъ-Табіэ и Эски-Гисарликъ—на европейскомъ), имѣютъ на вооруженіи отъ 160 до 180 орудій различныхъ образцовъ, старыхъ и новыхъ. Здѣсь же сосредоточено еще до 600 орудій полевой артиллеріи. Пущены въ ходъ и минныя загражденія, но широкому развитію минной защиты очень мѣшаютъ большая глубина и чрезвычайно быстрое теченіе, имѣющее противоположное направленіе въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ воды. Прикрѣплять донныя мины при такихъ условіяхъ очень трудно, а пловучія могутъ быть отнесены невѣдомо куда и взорвать собственный флотъ, который ютится позади въ Мраморномъ морѣ, какъ послѣдній козырь защиты.

Совокупность изложенныхъ условій дѣлаетъ форсированіе Дарданелль для сильнаго флота вполне возможнымъ. Прежде всего, пользуясь огромнымъ преимуществомъ своихъ огромныхъ судовыхъ орудій, итальянцы должны разрушить охраняющія входъ въ проливъ береговыя укрѣпленія турокъ, артиллерія которыхъ сравнительно очень слаба. Мѣткая стрѣльба съ соответствующей дистанціи, гарантирующая неуязвимость бронированныхъ судовъ, позволяетъ выполнить эту операцію почти безъ жертвъ. Затѣмъ пущенные впередъ старые коммерческіе пароходы очищаютъ фарватеръ отъ заложенныхъ минъ, а слѣдующій за ними караванъ тралящихъ судовъ, вылавливающихъ всѣ минныя загра-

жденія, дѣлаетъ проходъ черезъ проливъ почти безопаснымъ отъ подводныхъ ударовъ. Такъ какъ у турокъ, сколько извѣстно, нѣтъ приспособленій къ ночной стрѣльбѣ, то послѣ соответствующихъ предварительныхъ операцій безъ большихъ жертвоуказаній флотъ могъ бы прорваться и сквозъ самое узкое мѣсто пролива, наиболѣе снабженное береговою артиллеріею. Если бы у турокъ было бы хоть нѣсколько подводныхъ лодокъ съ минными аппаратами, итальянскій флотъ не осмѣлился бы подойти ни къ одной турецкой гавани, но отсутствіе подводной защиты дѣлаетъ неприятельскій броненосный флотъ полнымъ хозяиномъ положенія. Если итальянцы все же не рѣшаются использовать своего преимущества, то объясненія ихъ робкой и бездѣятельной стратегіи надо искать главнымъ образомъ въ области чисто дипломатическихъ соображеній. Англія желаетъ объявить нейтральнымъ все Эгейское море и даетъ понять, что она можетъ соблюдать нейтралитетъ только при томъ условіи, если будутъ соблюдены ея интересы; Австрія изымлетъ изъ зоны военныхъ дѣйствій все Адриатическое море. Изъ уваженія къ Англіи, Италія вынуждена воздержаться отъ захвата архипелага. Изъ уваженія къ Австріи Италія не смѣетъ напасть на Салоники и высадить десантъ на албанскомъ берегу. Наконецъ изъ уваженія къ экономическимъ интересамъ Россіи Италія должна воздержаться отъ блокады Дарданелль. Въ концѣ концовъ получается война со связанными руками, разорительное бездѣйствіе, которое можетъ окончиться только государственнымъ и политическимъ банкротствомъ Италіи. Пользуясь прикрытіемъ третьихъ лицъ, турки обнаруживаютъ гордую непримиримость. Хотя первая бомбардировка по внѣшнимъ укрѣпленіямъ Дарданелль оказалась только демонстраціей, тѣмъ не менѣе логика событій заставляетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Къ рисункамъ.

Медленно тянутся по пыльной дорогѣ въ знойный лѣтній полдень *волы*. Идутъ они шагъ за шагомъ, въ меланхолическомъ раздумьѣ, напрягая крутыя шеи подъ тяжелымъ ярмомъ. И нѣтъ конца ихъ томительному пути, а солнце посылаетъ имъ свои жестокіе лучи, и изъ-подъ тяжелыхъ шаговъ вздымается пыль и мутитъ имъ дыханье. Художникъ М. Грековъ ярко изобразилъ это тяжелое шествіе „воловьяго“ труда, въ которомъ такъ много тупой покорности и молчаливаго состраданія.

Не вынесла молоденькая дѣвушка, заточенная въ цѣпи городской жизни, безпросвѣтнаго труда и выбросилась изъ окна пятого этажа. (Картина худ. А. Разчубкина). „Не длинень и не новъ расказъ“ объ этомъ. Она *лишняя*. Такихъ, какъ она, безвѣстныхъ маленькихъ труженицъ, слишкомъ много въ городѣ, и трудъ ихъ слишкомъ дешевъ. И вотъ лежитъ ея маленькое, тщедушное, безжизненное тѣло на грязной мостовой, и охаютъ надъ нею собравшіеся вокругъ случайные прохожіе.

Картины В. Сысоева—„*Посидѣлки*“ и „*Судъ*“ знакомятъ насъ съ бытовыми чертами современной деревни. Веселая вечеринка съ неизбѣжной гармоникой и засѣданіе волостного суда съ его своеобразной обстановкой—отъ этихъ двухъ сценъ вѣетъ большимъ знаніемъ деревенскаго быта.

Художникъ Э. Грюцнеръ въ своей картинѣ „*Мефистофель и студентъ*“ иллюстрируетъ извѣстный эпизодъ изъ „Фауста“ Гёте. Дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ Фауста. Мефистофель наряжается въ его костюмъ и въ качествѣ ученаго профессора принимаетъ молоденькаго студента, который пришелъ издалека, чтобы поучиться у профессора уму-разуму. Мефистофель ядовито издѣвается надъ юношей, давая на его наивные и довѣрчивые вопросы циничные и „практически-мудрые“ отвѣты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1 мая—**съ 18-го номера.** При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Марго. Разсказъ Б. П. Никонова. — Грѣхъ отца Ксенофонта. Былъ семидесятихъ годовъ. А. Н. Ключкина. — Персидскія женщины. Очеркъ.—На новыя мѣста. Очеркъ Георгія Аркатова.—Кольцеобразное затменіе солнца 4 апрѣля 1912 г. Очеркъ Н. Павловскаго.—РИСУНКИ: Волю—Лишняя.—Мефистофель и студентъ.—Посидѣлки.—Судъ.—Персидскія женщины (8 рисунковъ).—На новыя мѣста (10 рисунковъ и 1 диаграмма).—Затменіе 4 апрѣля 1912 г. (9 рисунковъ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 6.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

КРАСОТУ

придает нѣжное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красный цвѣтъ лица. Все это достигается настоящимъ

МЫЛОМЪ „КОНЕКЪ“

изъ молока лилии
Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.

Кусокъ 50 коп. Можно получать вездѣ.
Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи:

Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая конюшенная № 10.

БОЛЬНЫЕ ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

въ видѣ малоцѣнныхъ подражаній Спермина, по дѣйствию ничего общаго съ нимъ неимѣющихъ, но часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

При неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебиеніяхъ, перебоѣ, миокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости послѣ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч., только Сперминомъ-Пеля достигнуты тѣ блестящіе результаты, о которыхъ свидѣтельствуютъ наблюденія извѣстнѣйшихъ ученыхъ и врачей всего міра. Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе

Сперминъ-Пеля

и отказываться отъ всѣхъ вытяжекъ и жидкостей съ разными названіями, о малоцѣнности которыхъ издана особая брошюра, которая высылается безвозмездно съ новѣйшей литературой о Сперминѣ.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІИ ИНСТИТУТЪ
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
Поставщики Двора
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
В. О. 7 линия 18.

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

1860
Т.РА.Р.М.
СПЕТЕРБУРГЪ
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

АВТО-ШИНЫ

СПБ., Екатерининскій кан., 34.

Политехнич. Институтъ
4 курса въ году. Предметная система. Отдѣл.: машин., электр., отопл. и вентил., газов. освѣщеніе, архит., желѣзо-бетонъ, желѣзн. конструц. Механика и начерт. геометр. по-русски. 1685 слух.: 6 лаборат. Программа высыл. по перв. треб. Адр.:

Polytechnisches Institut Strelitz i. Meckl.

СТРЕЛИЦ

2 часа отъ Берлина. 36234 25-8

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Цѣна: 1р. 20к. НЕВРАЛЬГИИ Цѣна: 1р. 20к.

Въ комнатѣ больного

о-де-колонъ является обязательно нужнымъ; съ гигиенической точки зрѣнія прямо необходимымъ. №4711, прелестнѣйшее оживительное и освѣжительное средство. — Тяжелый и зараженный воздухъ въ комнатѣ больного освѣжается, основательно очищается, коль скоро его отъ времени до времени прочищаютъ о-де-колономъ при помощи пульверизатора.

Употреблять слѣдуетъ однако №4711 на синемъ и бѣломъ, только она даетъ полную гарантію въ дѣйствительной чистотѣ о-де-колону.

Цѣна флагона
60 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп.

№4711.
Eau de Cologne

МУЖЧИНЫ, ВОТЪ ПРИМѢРЪ ДЛЯ ВАСЪ!

Всегда болѣе сильный торжествуетъ побѣду не только въ борьбѣ, но и въ жизни. Человѣкъ сильный, здоровый, не знаетъ неудачъ, передъ нимъ открытъ весь міръ, и лишь немногое кажется ему невозможнымъ. Но зачѣмъ болѣть, страдать и быть слабымъ, если природа дала намъ естественное средство крѣпить свое здоровье, силу и нервы?

Если Вы страдаете общей и половой слабостью, онанизмомъ и его послѣдствіями, венерическими болѣзнями и послѣдствіями, робостью, слабою памятью, бессонницею, головными болями; если Вы нервны, раздражительны, переутомлены,

НЕ ЖДИТЕ ДНЯ — НЕ ЖДИТЕ ЧАСУ потребуйте немедленно открыткою нашу книгу. Она объяснитъ Вамъ причину Вашихъ страданій и укажетъ правильный путь къ ихъ устраненію. Корреспонденція сохраняется въ секретѣ. Высылается въ закрыт. конвертѣ безъ фирмы **БЕЗПЛАТНО.** Требованіе адресовать: Россійско-Американскому Аптекарскому Товариществу, отд. 17, С.-Петербургъ, Почт. ящ. № 371.

„Коммерческая Энциклопедія“
ОБЩЕДОСТУПНЫЕ
ЗАОЧНЫЕ

КУРСЫ

БУХГАЛТЕРИИ
и
КОММЕРЧЕСКАГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОГРАММА: СЧЕТОВОДСТВО (Двоин.Итальянск. Бухгалтерия),
Коммерч. Арифметика, Коммерч. География, Торговое ПРАВО,
Корреспонденция, Товаровѣдѣніе и СТЕНОГРАФИЯ.
Разрочка. АТТЕСТАТЪ. Проспектъ БЕЗПЛАТНО.
Редакция „Коммерческой Энциклопедіи“, С.Пб., 8-я линия, 23—Р.

Салитъ для втиранія Ревматическія боли, Ломота, Трострѣль.
Въ аптекахъ и аптекарск.магаз. флак. 70коп.

Если желаете дитя ваше

видѣть здоровымъ, бодрымъ и хорошо раз-
вивающимся, то дайте ему Гематогенъ
Д-ра Гоммеля. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!
Требуйте непременно имя Д-ра Гоммеля.

1 р. въ мѣсяцъ
АКАДЕМІЯ ЗАОЧНО
иностр. языковъ

Новая оригинальная система, дающая возможность каждому легко и основа-
тельно изучить безъ помощи учителя въ совершенствѣ
36651 **ФРАНЦУЗСКІЙ, НѢМЕЦКІЙ и АНГЛІЙСКІЙ яз.** 2-2

Лекціи составлены преподават. Иностр. языковъ С.Пб. Высш. Учили. зав. Курсъ
каждаго языка состоитъ изъ 10 книгъ и составитъ не менѣе 1000 стр. большого
формата. Каждый мѣсяцъ выходитъ по одной книгѣ каждая яз. Курсъ франц. языка
выходитъ подъ редакціей прешод. иностран. яз. С.Пб. Политехнич. Института
ПЕРНЭ. Курсъ нѣм. яз. выходитъ подъ редак. прив.-доцента С.Пб. универс. и пр.
Педаг. Академіи **Л. Е. ГАБРИЛОВИЧА**. Для подробн. ознакомл. съ издан.
выпуски „Ак. Ин. Яз.“ выс. налож. плат. по 1 р. 20 к. за каждый.
При редакціи учреждено постоянное бюро, которое руководитъ занятіями и про-
вѣряетъ присылаемыя учениками работы безплатно. Проспекты высылаются без-
платно. Издат. Т-во „Благо“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88—24.

Нужны дѣятельные агенты-сотрудники.

ЖЕЛАЕТЕ ЛИ ВЫ ИМѢТЬ
50, 100, 150, 200 и болѣе р. въ мѣсяцъ.

Для людей благонадежныхъ передаемъ настоящую
домашнюю работу на нашихъ Авто-вязальн. машин.
„Викторія“. Познаніе не служитъ препятств. Требуйте
сейчасъ же наши подробные проспекты даромъ.

ЧТО НАМЪ НАШИ СОТРУДНИКИ ПИШУТЪ:

Приношу искреннюю благодарность фирмѣ Томасъ-
Виттикъ-Кюнау и К^о за качество быстровязальныхъ
машинъ „Викторія“.

Жена и я въ короткій срокъ научились вязать чулки
и носки въ различныхъ видахъ. Научились при
первой же данной отъ Васъ работы.

Въ виду желанія увеличить дѣло посредствомъ
Вашей фирмы и также принести пользу Вамъ, я же-
лалъ бы взять еще одну машину отъ Васъ.

Еще разъ благодарю и надѣюсь послужить Вамъ въ качествѣ работы. Съ по-
чтеніемъ къ Вамъ, Вашъ сотрудникъ 576, Иванъ Михайловъ, С.-Петербургъ.

Товарищество Вязальныхъ машинъ „Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о“.
С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 21. Деп. А.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ
ВЪ ГАЗЕТЫ?

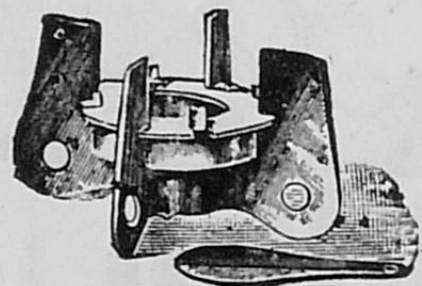
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп.
за двѣ семик. мар. Адресъ: Кіевъ, Южному
36703 Издательству, отд. 3. 5-2

Чудо-изобрѣтеніе!

ДАРОМЪ 100,000 шт.

Складная спиртовая кухня

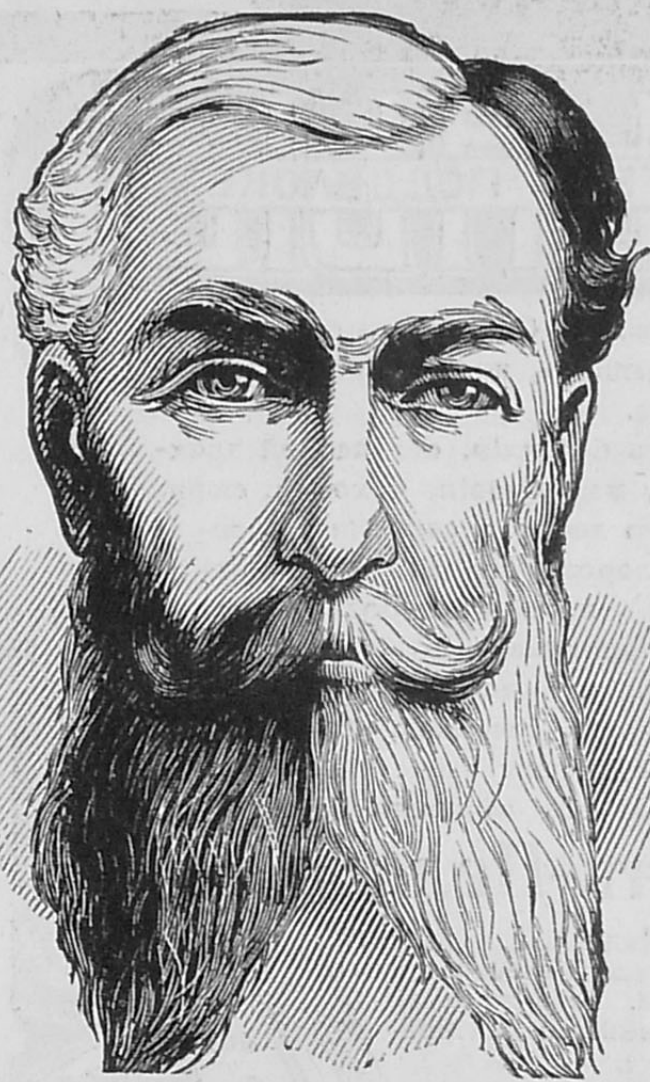
„ВЕЗУВІЙ“

является необходимою въ каждомъ домѣ.
Въ нѣсколько минутъ занимаетъ любой гор-
шокъ. Не издастъ ни запаха ни копоти и
употребляетъ въ 1 часъ на 1 к. спирта. Не-
обходима военнымъ въ походахъ и будущимъ
въ дорогѣ. Разбирается на мелкія части, и
удобно держать въ карманѣ. Кухня сдѣлана
изъ легчайшаго въ мірѣ серебристаго ме-
талла „алюминіумъ“ и никогда не ржа-
вѣетъ. Чтобы скоро распространить въ Россіи
свое изобрѣтеніе фирма раздаетъ

100,000 шт. бесплатно,
извмалъ только стоимость пошлныи и пере-
сылки всего 75 коп. отъ шт., 3 шт. 2 руб.,
6 шт. 3 р. 25 коп., 12 шт. 5 р. 75 коп.
Меньше 2-хъ шт. не высылаются. Слѣшите
запаситесь, ибо черезъ мѣсяцъ таковыи бу-
дутъ 2 р. 50 к. шт. Высылаю съ налож.
платеж. Неподход. принимаю обратно.
Адресовать: Главн. представ. А. Живу,
Лодзь, № 20. 3-2 36653

Клиш. засв. Деп. Мин. Внутрен. Дѣлъ за № 14633.

„НЕ ОПАСАЙТЕСЬ
СЪДИНЫ“

КРАСКА для ВОЛОСЪ
парфюмерныхъ фабрикъ
В. ЗЕЕГЕРА

въ Берлинѣ,
Вѣнѣ и Букарестѣ.

(съ фабр. марк. Летучая рыбка)

состоящая изъ одной жидкости,
краситъ скоро и прочно, посред-
ствомъ причисыванія, въ черный,
каштановый и свѣтло- и темно-русые
цвѣта и, такимъ образомъ, радикаль-
но устраняетъ сѣдину. Примѣняется
съ одинаковой пользой къ мужскимъ
и женскимъ волосамъ. 36446 5-2

Безвредность засвид. Врач. Упр.
за № 3992.

Продается во всѣхъ лучшихъ пар-
фюмер. и аптек. магазинахъ, а рав-
но парикмахерскихъ.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ
общедост. ЗАОЧНЫЕ самообраз.
ПРОГР: 2-ая итальян. и америк.
коммерч. арифметика, комм. кор-
респонд., комм. географ., товаровѣд., сло-
варь комм. словъ, курс правописанія, каллигр.,
конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЪ БУХ-
ГАЛТЕРА. Отзывы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Прогр.
пробн. лекц. выс. БЕЗПЛАТНО Книг. „Круг. Самообр.“ С.Пб., Невскій 92-11

КАВКАЗСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
„НАРЗАНЪ“ | **„ЭССЕНТУКИ № 20“**
Эссентукскія (соляно-щелочн.) №№ 4, 4 новый, 6, 17, 18, 18 бюв. 2, 19
Баталинская (незамѣнимая слабительн.). Смирновская - желѣзистая (имѣетъ
мышьякъ). Эссентукскія лепешки (уничтож. изжогу). Эссентукская соль
(замѣняетъ воду № 17).
За водами и продуктами обращаться въ казенный складъ: Невскій, 55, телеф. 32-75.
Главный складъ при Управленіи водъ въ Пятигорскѣ. Прейсъ-курранты безплатно. Обращаться: Пятигорскъ —
Управленіе водъ. 36656 33-3

INSTITUT DE BEAUTÉ
PARIS - 26, pl. Vendôme **MERLE** 26, pl Vendôme - PARIS
ПАРФЮМЕРІЯ — КОСМЕТИКА
Единственная фирма въ мірѣ
Гигиенической и вѣрный способъ для поддержанія моло-
дости и красоты. — Специальные аппараты для
предупрежденія и уничтоженія морщинъ. —
Всѣ издѣлія чисто растительныя, абсолютно безвредныя,
и всѣ одобрены городской лабораторіей Парижа.
Не имѣетъ никакихъ Отдѣленій въ Россіи.
Во избѣжаніе поддѣлокъ необходимо требовать на каждомъ издѣліи охра-
нительное клеймо. — Продается во всѣхъ лучшихъ парикмахерскихъ,
парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ
С.-Петербургъ 1903
Единственный представитель для всей Россіи : **Б. С. ВЕЙНШТЕЙНЪ.**
Москва, Кузнецкій мостъ, д. князя Гагарина, кв. 44.

Инженера А. В. Эльбень, С.-Петербургъ,
почт. ящ. 227.

36533 12-3

PURGEN

ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Нигда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не помѣщена фирма Dr. Bayer és Társa Budapest. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

КАКЪ ИЗЛѢЧИТЬ ГРЫЖУ.

ВАЖНОЕ ОТКРЫТІЕ.

Грыжа—одна изъ наиболѣе распространенныхъ и опасныхъ заблѣваний челоѣка. Во всѣ времена доискивались способовъ борьбы съ ней, и надо сознаться, что эти способы были довольно-таки неэффективны.

Знаменитый французскій специалистъ, хорошо извѣстный въ научныхъ кругахъ, А. Клавери недавно открылъ тайну излѣченія послѣ тридцати лѣтъ упорныхъ исканій.

Всѣмъ извѣстно, что этотъ челоѣкъ, которому мы обязаны устраненію пружинъ изъ грыжевыхъ бандажей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ достигъ всемірной славы изготовленіемъ своего пневматическаго безпружиннаго бандажя, который произвелъ настоящій переворотъ въ дѣлѣ лѣченія грыжи и окончательно избавилъ больного отъ нестерпимаго давленія пружинъ и твердыхъ пелотовъ, благодаря которымъ обычно примѣняемые бандажы становятся настоящими орудіями пытки.

Работая все дальше и дальше, г. А. Клавери обогатилъ науку новымъ изобрѣтеніемъ, которому предстоитъ міровое распространеніе и которое окажетъ великую услугу вслѣдъ, гдѣ грыжа поражаетъ жертву.

Новый аппаратъ, о которомъ идетъ рѣчь и который вызываетъ восторженную похвалу самыхъ высшихъ медицинскіхъ авторитетовъ, является искомымъ, действительнымъ средствомъ, незаменимымъ по легкости, гибкости и энергичному, хотя и нежному давленію.

Незамѣтный по дѣлѣ, непромокаемый, легко одѣваемый, доступный каждому, этотъ бандажъ отнынѣ является единственнымъ, который даетъ возможность получить немедленное облегченіе, хорошее самочувствіе и замѣтное улучшеніе болѣзни безъ какихъ-либо отбѣновъ и болей,

въ то же время позволяя больному заниматься спортомъ и самыми трудными профессіями. Аппаратъ несомнѣнно даетъ сверхъ ожиданій благоприятные результаты при случахъ мошоночныхъ грыжъ, которыя считаются неизлѣчимыми и при которыхъ до сихъ поръ не помогали ни одинъ бандажъ.

Вы найдете умѣлое и доступное описаніе этого прекраснаго открытія въ богато иллюстрированной книгѣ А. Клавери „О лѣченіи грыжи“, которая высылается за 2 семикопеечныя марки Россійскимъ отдѣленіемъ фирмы А. Клавери: Москва, Петровка, д. № 8, отд. 449.

Заинтересованные этимъ вопросомъ могутъ прочесть эту книгу, въ которой знаменитый специалистъ описываетъ результаты своихъ трудовъ и своихъ долговременныхъ опытовъ.

Въ магазинахъ А. Клавери специалисты принимаютъ больныхъ каждый день, примѣряютъ и одѣваютъ аппараты послѣ тщательнаго изслѣдованія каждого больного и даютъ такіе совѣты, какіе можетъ подсказать имъ ихъ основательная специальная подготовка.

Я усиленно рекомендую тѣмъ изъ моихъ читателей и читательницъ, которые страдаютъ грыжей въ той или иной формѣ, прибѣгнуть къ этому методу, единственному, который можетъ вернуть имъ утраченное здоровье и силы.

Это дѣйствительно одно изъ самыхъ полезныхъ и прекрасныхъ завоеваній науки изъ всѣхъ сдѣланныхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Д-ръ Боссаръ,

Членъ Парижск. Медицинск. Факультета.

3645 2-2

ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ТРЕБ. НАСТОЯЩ.
НАФТИНЪ
(ПОДСЫДНУЮ МАЗЬ)
ЗАВ. Т-во „НАФТА“, С.ПБ
ПРОД. ВО ВСѢХЪ АПТЕКЪ, МАГАЗ. И
СЕЛЬСК.-ХОЗ. СКЛАД. РОССІИ ТРЕБ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

ЛѢПНЫЕ
для потолоковъ и стѣнъ изъ прессов. бумаги розетки, углы, карнизы, фризы, тяги и проч., вполне замѣняющіе алебастр., но гораздо легче и по цѣнѣ дешевле, для провинціи незамѣнимо. Прейсъ-курантъ съ 400 иллюстр. лѣпныхъ работъ высыл. за 65 к. марк. заказной бандеролью фабрика: въ С.Пбургѣ, В. Ст., Парголовская ул., собствен. д. 12. Т-во С. Т. Ковалевскій. 36742

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ **„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“**
Т-ва НА ПАХЪ
Москва, Петровка, № 3.

Г.г. ОХОТНИКИ!

Богатѣйшій выборъ ружей, пистолетовъ, револьверовъ и всѣхъ принадлежностей для охоты. За качество ружей даемъ полную гарантію: если товаръ не понравится—деньги возвращаемъ обратно. Требуемъ преисъ-курантъ 1911/12 г.

Г.г. РЫБОЛОВЫ!

Вышелъ полный иллюстрированный преисъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей. Богатѣйшій выборъ. Товаръ исключительно первоклассныхъ фабрикъ. Треб. преисъ-курантъ.

На покупку, выписку и храненіе дробовыхъ ружей никакихъ свидѣтельствъ не требуется.

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСОБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

КАКАО

КЪ ЗАВТРАКУ
КЪ FIVE O'CLOCK'Y
ТЕПЕРЬ ПЬЮТЪ
КАКАО
ВАНЪ-ГУТЕНА.

ЭТО СЧИТАЕТСЯ
ХОРОШИМЪ ТОНОМЪ!

Единственные фабриканты
С. J. VAN HOUTEN & ZOON,
Weesp (Голландія).

НАСТОЯЩІЙ ТОЛЬКО
ВЪ ЗАГРАНИЧНОЙ УПАКОВКѢ
СЪ ТАКОЮ МАРКОЮ.

ВАНЪ-ГУТЕНЪ

ЛЪЧЕНИЕ РЕВМАТИЗМА.

Всякій, кто говорить о ревматизмѣ, можетъ быть заранее увѣренъ, что у него будетъ аудитория и что онъ ее заинтересуетъ. Это — тема, никогда и нигдѣ не теряющая своего всеобщаго интереса.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, безъ различія пола, возраста и образа жизни, не имѣлъ болѣе или менѣе сильнаго ревматическаго припадка? Если отнести къ этому слову, какъ того требуютъ этиология, всѣ многочисленныя и разнообразныя проявленія ревматическаго діатеза — подагру, псорокъ, желчнокаменную болѣзнь, хроническую мигрень, „боли“ вообще, артерioskлерозъ, нѣкоторые кожныя болѣзни и болѣзнь волосъ, нѣкоторые пораженія глазъ, — то придется сказать, что вопросъ касается, прямо или косвенно, трехъ четвертей человѣческаго рода.

Это позволяетъ мнѣ снова затронуть предметъ, который не можетъ еще быть здѣсь исчерпанъ, и сообщить ревматикамъ, что терапия можетъ предоставить въ ихъ распоряженіе специфическое средство, безусловно превосходящее все, что до сихъ поръ применялось, славилось и даже вызывало восхищеніе.

Это средство, которое уже стало популярнымъ наравнѣ съ антипириномъ и іодистымъ калиемъ, есть Уродональ Chatelain (Шателена).

Уродональ не только удостоился чести быть представленнымъ въ Медицинскую Академію (10-го ноября 1908 г.) и въ Академію Наукъ (14-го декабря 1908 г.) профессорами медицинскаго факультета, но уже съ триумфомъ вошелъ въ повседневную практику, идѣ онъ быстро заслужилъ благословеніе больныхъ и похвалы врачей.

Если бы мнѣ пришлось воспроизвести

здѣсь всѣ многочисленныя аттестаціи практикантовъ, которые, испытавъ Уродональ Шателена, считали своимъ долгомъ воздать честь этому средству, на это ушла бы, по крайней мѣрѣ, половина этой статьи. Поэтому я ограничусь резюмированиемъ послѣднихъ изъ этихъ документовъ, только что появившихся въ „Journal des Praticiens“ за подписью одного опытнаго интерна.

„Мы испробовали за послѣдніе мѣсяцы, — пишетъ авторъ: — новое средство Уродональ Chatelain (Шателена), дающее поистинѣ замѣчательные результаты. Мы ни разу не прибѣгли къ нему напрасно и каждый разъ получили излѣченіе нашихъ больныхъ. У артритиковъ, принимавшихъ Уродональ по нашему совѣту каждый мѣсяць, ежедневно въ теченіе 10-ти дней, въ дозѣ 3—4 кофейныхъ ложекъ въ день, не было болѣе приступовъ: ревматизма у однихъ, колѣкъ у другихъ, мигрени у третьихъ. Этотъ периодическій мочевоы дренажъ ставитъ, такимъ образомъ, больныхъ въ благоприятное положеніе по отношенію къ рецидивамъ. Такой результатъ является крайне интереснымъ, дающимъ въ руки врача очень серьезное оружіе“.

Кромѣ того, авторъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ наблюденій, которые я не могу не цитировать здѣсь:

К..., отставной генералъ, 60-ти лѣтъ, каждый годъ страдаетъ приступами подагры. Послѣдній очень сильный приступъ былъ излѣченъ вышеописаннымъ способомъ, большими дозами Уродонала Шателена. Теперь болѣзнь не имѣетъ больше никакихъ приступовъ и приписываетъ этотъ пріятный сюрпризъ тому, что ежемѣсячно принимаетъ Уродональ Шателена.

М-мъ В..., тридцати семи лѣтъ, страдала съ шестилѣтняго возраста сѣвальной невралгіей, не поддававшейся никакому лѣченію. Уродональ оказалъ дѣйствіе въ три недѣли. Вотъ уже 6 мѣсяцевъ пациентка не чувствуетъ никакой боли.

Д..., 29-ти л., парикмахерскій подмастерье, болѣвъ острымъ ревматизмомъ и, несмотря на анкилозироваанные и болѣзненные суставы, вполне излѣчился въ 9 дней Уродоналомъ Шателена.

На самомъ дѣлѣ, его благотворное дѣйствіе не заключаетъ въ себѣ ничего чудеснаго и легко объясняется, если принять во вниманіе:

- 1) что артритизмъ во всѣхъ своихъ формахъ совпадаетъ съ урицеміей, въ томъ смыслѣ, что при немъ всегда имѣется увеличеніе кровяного яда, называемаго мочевоы кислотой;
- 2) что Уродональ Шателена, по своему химическому составу (лизидинъ, хинная соль пиперазина, сидональ, уротропинъ) долженъ быть наиболѣе энергичнымъ растворителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающимъ образованиемъ мочевоы кислоты, въ 35 разъ болѣе сильнымъ, чѣмъ соли литія.

Это изложеніе было бы неполнымъ, если бы я не упомянулъ, что Уродональ, кромѣ того, лишенъ всякаго вреднаго дѣйствія на сердце, мозгъ, артеріи, почки и желудокъ.

„Анализъ мочи, — читаемъ мы въ „Journal des Praticiens“, — которые мы продѣлали при многихъ приступахъ, съ другой стороны, убѣдили насъ, что Уродональ Шателена вызываетъ настоящий потокъ мочевоы кислоты. Это весьма важно. Недостаточно растворять мочевоы кислоту, нужно также способствовать ея выдѣленію“.

Это убѣдительно заявленіе получено нами

отъ всѣхъ практикантовъ, употреблявшихъ это средство (д-ръ Solo-Lebovici, д-ръ Vougeille, д-ръ Joubert, проф. Maturi и др.). Всѣ признаютъ поразительное дѣйствіе Уродонала Шателена, который поистинѣ является для ревматизма „тѣмъ, чѣмъ является хининъ для болотной лихорадки“. Изъ ихъ работъ видно, что полный курсъ лѣченія Уродоналомъ Шателена (3 флакона) окончательно освобождаетъ наиболѣе нагруженный организмъ отъ мочевоы кислоты и избавляетъ совершенно отъ рецидивовъ.

Терапія, такимъ образомъ, обогатилась средствомъ высшаго порядка, очень дѣйствительнымъ, совершенно безопаснымъ и обладающимъ постояннымъ и надежнымъ дѣйствіемъ, какъ это говоритъ сенсационное сообщеніе въ Парижской Медицинской Академіи о „лѣченіи урицемии Уродоналомъ Шателена“.

Этимъ объясняется, что жюри франко-англійской выставки присудило золотую медаль Уродоналу Шателена, а выставки въ Нанси и Кито — двѣ главныя награды, что иностранныя правительства разрешили ввозъ этого средства, равно цѣннаго въ ихъ странахъ, и что Морской Министръ допустилъ Уродональ, послѣ отзыва высшаго санитарнаго совѣта и заключительныхъ опытовъ, въ морскіе госпитали.

Еще одна болѣзнь исчезнетъ. 36756

Д-ръ ДОРІАНЪ.

Уродональ Шателена продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Выдающийся успѣхъ Уродонала Шателена вызвалъ многочисленныя подражанія, не имѣющія цѣнности.

Требуйте УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА.

ИЗБѢГАЙТЕ БЕЗПОЛЕЗНЫХЪ ПОДРАЖАНІЙ.

„КУМУСЪ“ близъ САМАРЫ съ 5-го мая

открывается 55-й сезонъ на 1-мъ Кумысо-Лѣчебномъ заведеніи Д-ра Н. В. Постникова, основ. въ 1858 году. Стерилизов. кумысъ „экспортъ“, сохраняющійся безъ порчи. Проспекты высылаются по требов. Запросы адресов. для телеграммъ: Самара, Кумысъ, Постникову; для писемъ: Самара, Кумысъ, Сергѣю Несторовичу Постникову. 36754 4-2

РУССКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА ВЪ БЕРЛИНѢ Инж.-Техн. И. К. ПОЛТАВЦЕВА.

(Берлинъ, Альбрехтштр., 11). Внѣ конкуренціи по качеству, дешевизнѣ и срочности доставки заграничныхъ машинъ. Пріѣзжающимъ въ Берлинъ полн. указанія и справки. Фирма сущ. съ 1907 г.

Адресъ по-русски или по-нѣмецки: Russisch Technisches Bureau I. Poltavtzeff, Ing., Berlin, Albrechtstr., 11. Тел. Norden 84-51. Телегр. адресъ: Poltavtzeff Berlin.

КУМУСЪ Самарск. г., бл. ст. Ново-Сергѣевской, Сам.-Орен. ж. д., при им. „ЦАРСКІЙ ДАРЬ“, ковыль. степь. Отд. пом. Врачъ. Полн. панс. КУМУСЪ въ неогр. кол. Здоров. мѣстн. ПЛАТА ДОСТ. Новосергѣевское почтов. отд. 2-1 Самарск. губ. „Царскій Дарь“. 36751

90 рублей въ мѣсяць

заработка для всѣхъ при удобной домашней работѣ. Расстояние не мѣшаетъ. Условія вѣя высладемы бесплатно. (36)

Международное товарищество вязальныхъ издѣлій, Варшава, Новогородская, 9—12.

Красивыя женщины, у которыхъ блестяще бѣлые зубы, отдають себѣ отчетъ въ томъ, что они-то и представляютъ величайшее украшеніе ихъ лица; на вопросъ, какія средства онѣ примѣняютъ для ухода за зубами, онѣ давали прежде уклончивыя отвѣты. — Нынче однакожь это перестало быть тайной, т. к. вотъ уже 25 лѣтъ, какъ всѣ привыкли съ дѣтства употреблять, прекрасно отрекомендовавший себя и всѣмъ ставшій необходимымъ, кремъ для зубовъ Зарга „Kalodont“ и эликсиръ для полосканія рта. Кто желаетъ, чтобы зубы его остались до поздней старости здоровыми, чистыми и бѣлыми, тотъ обязательно долженъ для чистки ихъ примѣнять по утрамъ и по вечерамъ Зарга „Kalodont“. Для полосканія рта послѣ каждой ѣды необходимо употреблять равнымъ образомъ общеизвѣстный эликсиръ „Kalodont“. Оба эти средства имѣютъ пріятный вкусъ и дѣйствуютъ антисептически. Получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. 36726

Необходимо всѣмъ имѣть **СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ** Виноградова, содержащій 486 стр. 15.000 словъ, ц. 60 к., изданіе Е. Распопова. Одесса.

БИРЖЕВЫЯ

порученія исполняютъ и спеціальныя счета „ON CALL“ открываетъ для столичныхъ и иногороднихъ клиентовъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ТОВАРИЩЕСТВА „Кирѣевъ, Петровскій и К“

СПБ., Морская, 23.

Брошюра „Царство Золота — Биржа“ высыл. бесплатно.

ГОТОВЫЙ

Шерстяной костюмъ за 4 руб. 95 коп.

Высл. по почтѣ нал. плат. безъ задат. готов. костюмъ однобортный или 2-хъ бортный, сост. изъ пиджака (на хорошей подкл.), жилета и брюкъ, сшит. по послѣдн. модѣ изъ хорошей, прочной шерсти. Матеріалъ англійск. шевіота. Цвѣта: черныя, т.-синія, корич. и оливковыя. Высл. въ слѣдующ. размѣрахъ: 44, 46, 48, 50, 52. Улаков. и перес. 75 к., въ Сибирь 1 р. 15 к. При заказѣ 3-хъ или болѣе костюмовъ перес. за счетъ фирмы. Безъ риска. Полн. руч.: если неоправ. приим. обратно. Требов. адресовать: г. ЛОДЗЬ, почтов. ящикъ 129; фабриктъ Ш. РОЗЕНТАЛЬ.

Ш. РОЗЕНТАЛЬ

Поступило въ продажу мое изданіе **ЦѢЛЕБНОЕ СВОЙСТВО РАСТЕНІЙ** и способъ ихъ готовить и употреблять. Цѣна съ пересылкой 60 коп., съ налогомъ платеж. 70 коп. Москва, Б. Прѣсня, 13—Н. Г. Гаммеръ. 36738

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта! **2 пары ботинокъ за 5 руб. 95 коп.** 36754

БОЧКИ не пневматической скелки. Желѣзныя, луженныя, оцинкованныя для перевозки и храненія всевозможныхъ жидкостей изготовляетъ наивысшаго качества и безукоризненнаго исполненія заводъ **Г. РЮЛИНГЪ,** (2) Тел. 65-56. Москва, Мясницкая, уг. Злат. пер. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Му ж с к. или дамск. шнур., вѣвш. фас., на шнильков. подош., прочн., элег., столц. преж. 15 р. Кожа черн. или корич. Указ. № носим. ботин. или № гал. Заказы исп. нолож. плат. безъ зад. Перес. 75 к., въ Сибирь 1 р. 15 к. При заказѣ 4-хъ паръ перес. за нашъ счетъ. Неподход. прин. для обмѣн. или возвр. денегъ. Адрес.: ЛОДЗЬ, почт. ящикъ 129. Главн. складъ обуви Ш. Розенталь.

ЖЕНЩИНАМЪ

СЛАБЫМЪ и НЕРВНЫМЪ

3000 ПАКЕТОВЪ БЕСПЛАТНО.

Я РАЗОШЛЮ 3000 ПАКЕТОВЪ МОЕГО СРЕДСТВА „Альбукола“ ДАРОМЪ.

Если Вы слабы или страдаете отъ головной боли, болями въ спинѣ, желудкѣ, почкахъ, внизу живота и сопровождающимъ ихъ недомоганіемъ, отсутствіемъ аппетита, бессонницей, нервностью, плохими снами, тоскою и другими неприятными ощущеніями, Вы можете снова стать здоровой и счастливою женщиной. Вамъ надо только написать мнѣ открытое письмо и указать свой точный адресъ. **Марокъ не нужно.**

Рита НЕЛЬСОНЪ, Москва, Софійка, № 17. Отд. 22. Е.